

Владимир Сенчихин

УГОЛОВНЫХ

дел

мастер

Детективный роман

Владимир Сенчихин
Уголовных дел мастер

«Издательские решения»

Сенчихин В.

Уголовных дел мастер / В. Сенчихин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853878-0

Главный герой романа — следователь прокуратуры Ворсин. На первый взгляд, увалень, которым помыкают и начальство, и жена. Но почему-то все запутанные уголовные дела навешивают именно на него: работает не спеша и дотошно, копает глубоко и вдумчиво. А еще на него свалилось две любви, вот и мечется между прошлым и настоящим.

ISBN 978-5-44-853878-0

© Сенчихин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Тайные врата	6
Голова в кустах	18
Глава вторая	26
Могильное дело	26
Влад Цепеш и вампиры	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Уголовных дел мастер

Владимир Сенчихин

Дизайнер обложки Владимир Васильевич Колычев

© Владимир Сенчихин, 2018

© Владимир Васильевич Колычев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-3878-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Тайные врата

На девятый этаж пришлось подниматься пешком: лифт не работал. Явно не по вине коммунальщиков. Утром, выходя на первом этаже из кабинки, Сергей Антонович Ворсин заметил, что оранжевая кнопка вызова горела как обычно. Теперь от нее осталась только оплавленная пластмасса, от которой исходил неприятный запах. «Витек, наверное, постарался», – беззлобно подумал Сергей Антонович о десятилетнем сыне соседей, живущих этажом ниже. Этот хмурый костлявый остроносый парнишка тяготел к хулиганству, да еще и страдал пироманией, однажды едва не спалил собственную квартиру.

Тяжко вздохнув, Сергей Антонович медленно зашагал по крутым давно немывтым ступеням. Каждый метр давался нелегко. Остановившись на лестничных площадках и хрипло дыша, он вытирал пот с лица и печально констатировал, что свинина, жареная капуста и пиво явно не идут на пользу. Эта мысль была далеко не нова, посещала его с завидным постоянством. Бывшая жена Антонина, когда он жаловался, что никак не может похудеть, обычно произносила сакраментальную фразу: «Пора на диету». К счастью, его благоверная, собрав вещички, укатила к своей маме. После ее отъезда квартира Сергея Антоновича напоминала номер захолустной гостиницы. Хорошо, что жена не позарилась на компьютер, который он купил, вырвав из семейного бюджета пропасть денег. Она восприняла электронную новинку как личного врага и злилась, когда супруг подолгу торчал в интернете. Сергей Антонович поначалу обижался на благоверную, но через неделю спартанская обстановка и неожиданное одиночество пришлись ему по душе.

Добравшись до седьмого этажа, Сергей Антонович заметил, что пространство над его головой утопает в ночи.

– Витек и лампочку кокнул, – вяло подумал он, чувствуя тревожную боль в груди. Ему показалось, что крохотный злобный зверек тайно проник в межреберное пространство, выпустив коготки, исподтишка царапает сердце. На девятом этаже свет тоже не горел. Ворсин зацепился в темноте за ступеньку, едва не бухнулся всеми своими ста тридцатью килограммами на холодный бетон.

– Подлый мальчишка! – выругался он, твердо решив завтра серьезно поговорить с его родителями.

В том, что именно Витек периодически колотит лампочки, Сергей Антонович не сомневался. В воскресенье Ворсин любил подольше поваляться в постели, он был «совой» и ежедневный подъем в семь утра давался ему чрезвычайно болезненно. Антонина работала детским терапевтом, без всякого будильника она ни свет ни заря вскакивала с постели. К тому моменту, когда супруг, чертыхаясь, нащупывал рукой кнопку противно пищущего электронного тирана, успевала не только приготовить завтрак, но также принять душ, высушить волосы, накраситься и одеться. Антонина считала, что супруг лентяй и лежебока, а когда он сетовал на то, что против физиологии не попрешь, назидательно изрекала, что главное – это режим.

– Не пей на ночь крепкий чай, – безапелляционно изрекала она. – Вместо того чтобы часами пялиться в дурацкий монитор, лучше почитай перед сном Библию. Ложись в десять часов. Перед сном обязательно подумай о чем-нибудь приятном. Через пару месяцев будешь отлично высыпаться.

В то воскресенье жена разбудила его в самый неподходящий момент. Сергею Антоновичу снилось, будто ему десять лет, он приехал в гости к бабушке в деревню, сидит вместе с друзьями на берегу мелкой речушки Альмы. Совершив успешный налет на огород бабки Феклы,

мальчишки набрали кучу краснобоких помидор и покрытых крохотными пупырышками тугих огурчиков. Вывалив богатство на газету «Правда» с портретом Леонида Ильича, ребята нарежали хлеб, высыпали на довольную физиономию генерального секретаря ЦК КПСС горку белоснежной соли, и, весело смеясь, приступили к трапезе. Сережа выбрал остроносый продолговатый помидор, слегка наклюнявив его аппетитный бочок, присыпал солью и собрался вонзить в ароматный прохладный плод молодые, еще не испорченные кариесом и табаком зубы.

В этот момент сладостное видение исчезло, пред глазами мелькнуло и погасло рыжее счастливое утро, а из полумрака выплыло недовольное лицо жены.

– Пока дрыхнешь, у нас лампочки на площадке гробят, – злобно прошипела она

– Кто? Какие лампочки? – недоуменно уставился на супругу Сергей Антонович. – Который час?

Вместо ответа Антонина жестом позвала его в коридор, указав пальцем на дверной глазок. Ворсин едва не застонал от злости, проклиная тот день, когда их квартиру едва не обокрали. Случилось это полгода назад. Мазурики проникли в квартиру через балкон, спустившись по веревке с крыши. Аккуратно сложили на индийское покрывало телевизор «Сони», телефон с автоматическим определителем номера, системный блок вместе с монитором и модемом, шубу жены и его меховую шапку. Но домушников, вероятно, кто-то спугнул. Они спешно ретировались, оставив грязные следы на паркете и стойкий запах тройного одеколona.

С той поры его дражайшая половина стала не в меру подозрительной, тщательно запирала балконную дверь и форточку, а еще настояла на установке дорожной бронированной входной двери, в которую вмонтировали импортный широкоугольный глазок, обеспечивающий шикарный широкоугольный обзор при любом освещении. С помощью этого чуда немецкой техники можно без труда разглядеть не только стоявших на лестничной площадке людей, но и тех, кто находится чуть ниже на лестнице. Антонина мгновенно реагировала на каждый шорох за дверью и по-хозяйски прилипала к глазку, изучая обстановку. Благодаря такой диспозиции она за пару недель заочно познакомилась со всеми родственниками и друзьями соседей. Сергей Антонович подозревал, что это занятие заменило ей бесконечные мыльные сериалы, до которых раньше она была большой охотницей.

Припав к глазку, Сергей Антонович вначале ничего не увидел. «Блин, да когда она угмонится», – подумал он и едва не выругал жену за то, что не дала ему выспаться в законный выходной. Неожиданно Ворсин заметил неясную фигуру на площадке между восьмым и девятым этажами. Приглядевшись, опознал Витьку, который, нагло прищурившись, пытался попасть из рогатки в лампочку. Стрелок из мальчишки был неважный, но Витек и не думал сдаваться. После третьего глухого щелчка, извещающего о том, что камешек угодил не в лампочку, а в бетон, Сергей Антонович решительно отворил дверь и, не слушая жену, шипевшую вслед «Ты же в трусах», вышел из квартиры.

У Витьки отвисла челюсть. Вероятно, его бы меньше удивило, если бы перед ним возник сам Шварценеггер или на худой конец Джеки Чан. Пузатый дядя Сережа грозным бульдозером нависал над ним, толстым, как сваренная сарделька пальцем манил к себе. Витек поднялся по лестнице, поскуливая, как побитая собака. Он бы сбежал, но строптивые ноги сами несли его к скорой и явно жестокой расправе. Витек робко протянул Сергею Антоновичу свое оружие.

– Я больше не буду, – прошептал он.

– Еще раз поймаю – залью скипидар в заднее место. Поверь на слово, получишь незабываемые тактильные ощущения, – пообещал Сергей Антонович и важно удалился.

После этого Витек шкодить перестал, а когда случайно встречался с Ворсинным, испуганно вжимал голову в плечи и норовил воробышком прошмыгнуть мимо.

Нащупывая в кармане ключи от двери, Сергей Антонович подумал, что Витек явно делает успехи. Отомстил врагу за позор, а чтобы ввести противника в заблуждение, грохнул

лампочку и на своем этаже. Если бы ему попался мудрый и толковый воспитатель, из мальчишки вышел бы толк, решил Ворсин, пытаясь вставить ключ в замочную скважину. После нескольких неудачных попыток это ему удалось. Он повернул ключ, услышал негромкий сухой щелчок, а затем все звуки внезапно исчезли. Сергей Антонович, почувствовав, что его засасывает страшная черная воронка, хотел позвать кого-нибудь на помощь, но не успел.

***

– Подсудимый, встаньте!

Строгий женский голос принадлежал женщине лет пятидесяти, одетой в черную мантию. Сквозь массивные очки в серебристой металлической оправе на Сергея Антоновича смотрели безжалостные глаза, от которых невозможно спрятаться. Ее взгляд пронизывал насквозь, обжигал лютым холодом. Ворсин, попытавшись отгородиться от него руками, увидел наручники.

Потрясенный, он опустил глаза долу, испуганно охнул: его аккуратный круглый животик, на который во время еды постоянно сваливались крошки хлеба, бесследно исчез. Поведя плечами, Сергей Антонович почувствовал легкость во всем теле, будто сбросил не меньше двадцати килограммов. Легко и мощно вздулась мускулатура на руках и напряглись икры, когда он безо всяких усилий встал с жесткого табурета.

– Вы признаете себя виновным?

Сергей Антонович недоуменно оглянулся по сторонам, пытаясь понять, что происходит. Помещение, в котором он находился, напоминало зал заседаний суда, хотя по непонятной причине металлическая клетка для обвиняемых отсутствовала. Ворсин много лет проработал в городской прокуратуре и неплохо разбирался в судоустройстве.

– Если я в суде, то почему в зале только председательствующий? Где остальные судьи? – лихорадочно соображал Ворсин. – Этот заморыш – прокурор? А что здесь делает нахальная блондинка в сером пиджаке и красной мини-юбке? Неужели она его адвокат?

Сергей Антонович оглянулся. Витек сидел в последнем ряду. Радостно ослабившись, мальчишка помахал ему рукой. Он зачем-то напялил на себя громадный малиновый пиджак, белую рубашку и желтый галстук.

– Ну и клоун, – подумал Сергей Антонович и вздрогнул от пронзительного голоса судьи.

– Отвечайте, подсудимый.

– А, собственно, в чем я должен признаваться? – разозлился Ворсин. У него появилось смутное подозрение, что ему шьют какую-то тяжкую статью уголовного кодекса.

– Не юродствуйте, – скривился заморыш.

– Я протестую! – взвизгнула блондинка. – Это давление на суд!

– Повторяю вопрос, – в голосе судьи проклюнулись визгливые нотки. – Вы признаетесь, что убили свою бывшую жену Ворсину Антонину Петровну?

– Что за чушь? – обозлился Сергей Антонович. – Она сама от меня ушла. С какой печали мне ее убивать?

– Именно поэтому вы и расправились с беззащитной женщиной! – запальчиво воскликнул прокурор. – А тот факт, что вы ее задушили, а затем завернули в три простыни, предварительно намочив их в гипсе, свидетельствует о том, что преступление тщательно спланировано.

– Что вы несете? – разозлился Ворсин. – Где вы такое видели, чтобы труп загипсовывали?

– Иными словами, вы признаете факт убийства, – обрадовался прокурор.

– Мой подзащитный инкриминируемого ему злодеяния не совершал, – разгневанная блондинка с силой ударила кулачком по столу и неожиданно подмигнула Ворсину.

– Во время досудебного следствия вы утверждали, что вас уже посещала мысль об убийстве жены, – укоризненно посмотрела на Сергея Антоновича судья. – Надеюсь, вы это не отрицаете?

– Почему же? – обрадовалась мини-юбка. – Непременно станет. Свои предыдущие показания мой подзащитный давал под физическими и моральными пытками.

– Дура! – обозлился Ворсин.

Он много лет поддерживал государственное обвинение в судах, за это время мог по пальцам перечислить подсудимых, которые бы не жаловались на избиение в СИЗО. Для ментов отдубасить человека – милое дело, они к этому занятию привычные. Но даже если адвокат добивался медицинского освидетельствования клиента и предъявлял справку судмедэкспертизы, толку мало. Судью тоже можно понять. Нынче каждый второй защитник, дабы доказать, что следствие шито белыми нитками, рвет на себе волосы и вопит, что его клиента на допросах зверски мучили.

Мысль об абсурдности происходящего Ворсина не посетила: за время работы в прокуратуре он привык к тому, что за приличные деньги упрятать обидчика за решетку труда не составляет. Тоню он не убивал, но откуда эта очкастая змея знает, что он хотел ЭТО сделать? Если велось следствие, кто этим занимался?

***

Сергей Антонович вспомнил девяносто восьмой год. Вспотели ладони, по спине поползли противные мурашки. В то лето ему на халюву достались две путевки в крымский санаторий «Ай-Петри». Тоня как обычно взяла с собой такую прорву вещей, что они еле уместились в два громадных чемодана. Ворсин давно смирился с тем, что жена за двадцать лет совместной жизни кардинально изменилась: изрядно растолстела и подурнела. Но ее страсть к модной и дорогой одежде его удивляла, тем более что все импортные шмотки сидели на ней, как ватник на манекенщице. Совершив очередное приобретение, Тоня часами вертелась в обновке перед зеркалом, кокетливо интересуясь у супруга, нравится ли ему вещица. «Ничего», – выдавливал из себя Ворсин и запирался в ванной, другого места для уединения в квартире не было.

На юге Тоня расцвела. Она записывалась на все экскурсии подряд, громко разговаривала, без конца переспрашивала экскурсоводов, стремясь продемонстрировать свою эрудицию, игнорировала откровенно насмешливые взгляды, которыми ее одаривали другие дамы. Сергей Антонович молчал, вытирая носовым платком потное лицо, страдал от жары и стыда за жену.

Когда Тоня записалась на экскурсию на плато Ай-Петри, терпению Ворсина пришел конец. Он категорически отказался участвовать в этой аванюре, потому что отчаянно боялся высоты. Забраться под облака, чтобы посмотреть на Ялту с птичьего полета? На такие подвиги он не способен, уж лучше по набережной погуляет, поест мороженое, заглянет на городской рынок, прикупит свежих фруктов, которые они вечером вдвоем и отведают. Антонину упрямство мужа удивило. Она собиралась обрядиться в умопомрачительное длинное платье с глубоким декольте и взять с собой эффектную голубую шаль: гид Рувим Романович предупредил, что наверху будет прохладно.

– Мы поднимемся по канатной дороге, это абсолютно безопасно, котик, – уговаривая мужа, Антонина ласково прикоснулась к его руке.

Сергей Антонович испуганно дернулся, будто его ужалила ядовитая змея, умоляюще произнес:

– Почему бы тебе самой не отправиться в эти проклятые горы?

– Не будь ребенком, милый. Неужели ты отпустишь меня одну?

Ворсин чуть не брякнул «С большим удовольствием», но вовремя прикусил язык. Антонина в таких случаях хваталась за сердце и безудержно рыдала, размазывая тушь по жирным щекам. От жалости к самой себе у нее поднималось давление. Выпив валокордина, Тоня укладывалась в постель и трагическим голосом просила принести минеральной воды или поло-

жить на лоб холодный компресс. Ближе к вечеру Сергей Антонович в полной мере проникался раскаянием, просил у жены прощения и супруги мирились. В молодости Ворсин по глупости ругался с Антониной чуть ли не каждую неделю, расплачиваясь безнадежно испорченным настроением и походами по аптекам. С годами он остепенился, охотно соглашался с женой, дабы не утрачивать собственные нервные клетки.

Тоня все же уговорила его отправиться на Ай-Петри, соблазнив вином и шашлыками. Мол, Рувим Романович заявил, что такого добра там навалом. В Мисхор, где находилась нижняя станция канатной дороги, они добирались на автобусе. По пути Рувим Романович заливался соловьем. Этот хлыщ Ворсину сразу не понравился. Худой, рыжий, с огромными базедовыми глазами, он нервно размахивал руками, брызгая слюной в лицо собеседнику. Судя по всему, гид питал страсть к упитанным женщинам, он плотоядно пялился на Антонину, не обращая внимания на остальных дам. Как заметил Ворсин, в горы отправились леди исключительно бальзаковского возраста. Кроме Сергея Антоновича, в группу затесался древний, но на удивление юркий старичок, который сидел в автобусе позади него и всю дорогу рассказывал соседке, что две культуры – азиатская и европейская – рано или поздно смешаются и в результате получится новое сообщество. Иисус Христос и Аллах воплотятся в одном лице. Ворсина подмывало спросить, куда подевают Будду, но он решил промолчать.

– Высота Ай-Петри составляет тысячу двести тридцать один метр, – вдохновенно разглагольствовал Рувим Романович. – Вершина горы представляет собой огромный коралловый риф. Зубцы, которые мы сегодня увидим, образовались в результате выветривания.

Вагончик канатной дороги оказался не таким уж и маленьким, в него вмещалось больше двадцати человек, имелись четыре сидячих места. Сергей Антонович не опростоволосился, ловко растолкав растерявшихся женщин, угнезвился на одно из них. Антонина, отгородив его своим массивным телом от остальных женщин, ласково шепнула:

– Только в окно не смотри.

Предупреждение излишнее. Как только вагончик, мягко качнувшись, поплыл по воздуху, Ворсин вперил взгляд в пластиковый пол и не поднимал голову до тех пор, пока сопровождающая их «бортпроводница» не попросила выйти. Оказалось, что они прибыли на промежуточную станцию «Сосновый бор», от которой начинался новый подъем на головокружительную высоту к грозным зубцам Ай-Петри. Вагончик, в который они перешли, был точной копией первого, но поскольку Сергей Антонович не предполагал, что его восхождение на Голгофу будет состоять из двух этапов, то припоздал, все сидения оказались заняты.

Ворсин обречено прижался спиной к железной стене вагона, пытаясь справиться с поступающей дурнотой: острый запах всевозможных женских духов, минуя легкие, проникал прямо в мозг. Он прижался лицом к форточке, жадно вдыхая напоенный ароматами горных трав воздух, отчаянно боролся с животным страхом, переполнявшим все его естество. Он понимал, что стальная коробка прикреплена к тросу надежно и все же никак не мог избавиться от липкого ужаса: ему казалось, что вагончик вот-вот оторвется и ударится о камни. Прислушиваясь к женщинам, которые изумленно вскрикивали, восхищаясь приютившимися на выступях скал соснами, Ворсин проникся отвращением к этим дурам, не понимающим, что они в любую минуту могут разбиться в лепешку. Антонина что-то шептала на ухо наклонившемуся к ней Рувиму Романовичу, а тот самодовольно зажмурился и начал все плотнее прижиматься к собеседнице. Ворсин задохнулся от острой ненависти к супруге. В этот момент в его голове промелькнула какая-то важная мысль, которая, взмахнув крылом, тут же исчезла, оставив в душе недоумение и досаду.

Вскоре вагончик резко замедлил ход, ударившись о боковое ограждение, остановился. Их путешествие благополучно закончилось. Миновав мрачный коридор станции, Ворсин оказался на залитой пронзительно-ярким солнцем бетонной площадке. На горе дул свежий прохладный

ветер, пока женщины натягивали на себя ветровки и кофточки, Рувим Романович вкратце изложил дальнейшую программу.

– В распоряжении тех, кто проголодался, этот маленький Вавилон, – он указал жестом на торговые ряды, над которыми интенсивно курился голубой дым. В воздухе царил ядреный пашлычный запах. – Желающие также могут покататься на лошадях или совершить экскурсию в пещеру Трехглазку. Тех, кому нравятся горы, приглашаю прогуляться по плато, подняться к зубцам Ай-Петри. Сбор через полтора часа на этой же обзорной площадке.

Шустрый Рувим Романович хотел увлечь за собой укутавшуюся в бирюзовую шаль Антонину. Та неожиданно заупрямилась, заявив, что останется с мужем. Вдохновленная присутствием одиноких дам, большинство из которых старше ее, Антонина, вероятно, вознамерилась сыграть роль заботливой жены, чем до чрезвычайности озадачила Ворсина. Ему захотелось отослать супругу подальше и разобраться со своими чувствами. Что-то неуловимо изменилось в душе, пока он поднимался на гору, но оценить это событие и правильно истолковать его Ворсин пока не мог. Чрезвычайно интересная мысль, посетившая его в железной утробе вагончика, не давала покоя: будто на мгновение приоткрылись тайные врата, за которыми скрывалось нечто судьбоносное, не поддающееся расшифровке.

Взглянув на раскрасневшуюся от ветра жену, подле которой растерянно топтался Рувим Романович, не терявший, судя по всему, надежды, Ворсин вспомнил: ошеломившая его мысль родилась в тот момент, когда эти двое весело перешептывались, а, следовательно, она имеет к ним непосредственное отношение. Но какое? О банальной ревности не могло быть и речи. Прилипчивый гид, положивший глаз на Антонину, вызывал омерзение с изрядной долей гадливости. Ворсин жену нисколько не ревновал, потому что давно не испытывал к ней никакого влечения. Антонина, посчитав, что у него проблемы по мужской части, не раз предлагала ему сходить к врачу, даже отыскала какое-то медицинское светило, то ли академика, то ли профессора, но Ворсин отказался, грустно пошутив: «Зато теперь меня за изнасилование точно не посадят».

– Зря ты отказываешься от восхождения, – проронил Сергей Антонович, обращаясь к жене.

Антонина молчала, подозрительно поглядывая на Ворсина. Решившись, строго произнесла:

– Вот тебе пятерка, на сок хватит, – протянула синенькую бумажку. – А вино вместе выпьем, когда с горы вернусь.

Она заковыляла к поджидавшему ее Рувиму Романовичу, слегка покачивая толстыми ягодицами. Ворсин самодовольно улыбнулся. Когда супруга удалилась на безопасное расстояние, он присел на камень, снял правый кроссовок, приподняв стельку, извлек пятидесятигривенную купюру. Этот нехитрый мужской прием не раз спасал его в критических ситуациях. Точно такие же закладки он закладывал в осенние туфли и зимние ботинки. Растратив неприкосновенный запас, Сергей Антонович старался как можно скорее его возобновить, справедливо полагая, что много денег никогда не бывает.

Горно-закусочный комплекс представлял собой большую площадку, засыпанную мелкой щебенкой. На ней по обе стороны своеобразной улицы располагались легкие одноэтажные деревянные строения, по виду больше смахивающие на американские салуны, которые обычно показывают в фильмах про лихих ковбоев и подлых индейцев. Это был самый настоящий Клондайк, открытый оборотистыми крымскими татарами, который, судя по всему, приносил знатные барыши. Еду готовили на свежем воздухе возле закусовых. На длинных шампурах, источая умопомрачительный аромат, жарилась баранина, в огромных чугунных котлах варился среднеазиатский плов, кипела ароматная шурпа, в раскаленном масле наливались золотом чебуреки и пахлава. Вина навалом, причем самого разного, начиная с фирменного массандровского и заканчивая самодельным. Причем названия некоторых вин поражали воображе-

ние: «Царица ночи», «Черная роза», «Кара-бурун», «Эким-кара», «Черный принц», «Черный шайтан». В немудреных кафе и на площадках рядом с ними за пластмассовыми столиками сидели сотни отдыхающих. На окраине комплекса, возле деревянной изгороди стояли десятка два оседланных лошадей, парочка пони и самый настоящий двугорбый верблюд. И хотя среди курортников любителей верховой езды было не так уж много, этот бизнес, судя по всему, также не был убыточным.

Сергей Антонович купил литровую пластиковую бутылку настоящего на косточках миндаля «Черного доктора», набрал на оставшиеся деньги шашлыков и угнезвился внутри накрытой громадным темно-синим тентом кафешки. Он сел так, чтобы видеть уходящую к зубцам Ай-Петри тропу, по которой, как муравьи, сновали отдыхающие. Метров в двухстах от кафе тропа скрывалась в лесу, из которого выныривала значительно выше по склону и круто поднималась в гору. Когда Антонина со своим рыжим Хароном будут возвращаться, он узрит их издалека.

Сергей Антонович питал могучую слабость к шашлыкам, знал в них толк и мог поглощать жареное на углях мясо в любое время суток и в неограниченном количестве. Он выбрал самый крупный кусочек, погрузил его в красный соус, задержав дыхание, бережно положил в рот. Мясо оказалось слегка жестковатым. Судя по всему, это была замоченная в столовом уксусе говядина. Ворсин такой способ приготовления шашлыков считал варварским. Сам он предпочитал нежирную свинину, замачивал ее в кефире или в майонезе, они, в отличие от уксуса, не сушили исходный материал, а делали его еще нежнее. Проглотив пару горячих кусочков, Сергей Антонович залпом выпил стакан терпкого вина и довольно крикнул. Жизнь тем и хороша, что в ней всегда есть место чревоугодию!

– У вас не занято? – прозвучал рядом звонкий женский голос.

Ворсин поднял голову. Подле столика стояла женщина лет сорока, в одной руке держала пластиковую тарелку с пловом, а в другой пластмассовый стаканчик, заполненный пепси-колой. Незнакомка, кажется, отличалась завидным здоровьем: из одежды только легкое белое платье без рукавов. Косметикой, как успел заметить Сергей Антонович, дама не пользовалась. Тонкие губы красноречиво свидетельствовали о жестком характере, а желто-соломенные волосы явно крашеные. Темные очки не позволяли рассмотреть глаза, но Ворсин уверился, что они карие.

– Садитесь, – не слишком дружелюбно буркнул Ворсин, недовольный тем, что его одиночеству пришел конец. Во время трапезы он собирался по пунктам проанализировать последний этап своего путешествия. Он полагал, что вино поможет ему расслабиться и нащупать путь к тайнам подсознания, а посторонний человек не даст ему сосредоточиться.

Некоторое время они молчали, поглощали пищу, усиленно делая вид, что не замечают друг друга.

– Я видела, как вы вынимали деньги из туфли, – внезапно произнесла его соседка и громко расхохоталась.

Именно в этот момент Ворсин прожевал кусочек мяса и приложился к вину. Он вздрогнул, едва не выплеснул благородный напиток прямо на смеющуюся женщину. Приложив героические усилия, Сергей Антонович со слезами на глазах справился с рвущимся наружу вином и закашлялся.

Женщина пулей сорвалась с места, оказавшись за его спиной, несколько раз пребольно стукнула по спине твердыми, как галька, кулачками.

– Прекратите! – взревел Ворсин, проворно развернувшись, схватил ее за руки. Уловил горьковатый запах чабреца.

– Мне больно, – прошептала женщина. Ворсин, разжав клешнеобразные пальцы, резко отстранился от нее.

Незнакомка вернулась на свое место. Она с любопытством поглядывала на раздраженного сотрапезника. Улучив момент, когда обе его руки оказались на столе, мягко, но повелительно прижала их к холодному пластику своими крохотными ладошками.

– Простите. Я в автобусе в конце салона сидела, поэтому вы меня и не запомнили. Когда на гору поднялись, все на Ай-Петри отправились, а я высоты боюсь и вот этих азиатов, – кивнула она в сторону крымских татар. – Увидела знакомое лицо, вот и решила к вам присоединиться. Кстати, фокус с деньгами мне понравился, ни один вор не догадается искать их в таком месте.

– Почему вы так думаете? – вяло поинтересовался Ворсин. – Настоящий вор всегда знает, где лежат деньги.

– Я понимаю, у вас такая профессия, – призналась незнакомка. – Пока мы ехали в автобусе, соседка подробно охарактеризовала всех участников экскурсии, в том числе и вас. Ее информированности можно только позавидовать. Кстати, она знакома с вашей женой.

Ворсин налил полный стакан вина и залпом его осушил. Он давно заметил, что случайные попутчики часто бывают предельно откровенными, поскольку знают, что через несколько часов расстанутся и больше никогда не увидят друг друга. В отличие от Сергея Антоновича, предпочитающего бродить по санаторному парку в одиночестве, Антонина была чрезвычайно общительной и словоохотливой, он не раз замечал ее в обществе женщин, которые, как он предполагал, обожали перемывать косточки обитателей санатория. Безжалостный клин, который настойчиво и методично врезался между ним и Тоней, сделал свое дело. Жена не раз сетовала на то, что ему следует попросить начальство хотя бы прибавить жалованье. Но для него ходить на поклон было сущим наказанием, за двадцать лет работы в прокуратуре он так и не научился выбивать себе блага, полагая, что сослуживцы, отягощенные дочками и сыновьями, имеют на это гораздо больше прав, нежели он – бездетный.

– Меня, кстати, Анной зовут, – улыбнулась женщина.

– Сергей Антонович, – слегка наклонив голову, вежливо представился Ворсин.

Он решительно выплеснул из стаканчика Анны пепси-колу и налил в него вина. Не рассчитал, темно-красная жидкость залила стол. Женщина ловко выхватила из стоящего на столе граненого стакана несколько салфеток, вытерла ими скользкий пластик, подняв стаканчик, весело произнесла:

– За знакомство!

Сергей Антонович был стеснительным человеком, с незнакомыми людьми чувствовал себя неловко, но к Анне проникся доверием, хотя, исходя из следственного опыта, предположил, что за его столик подсела она неспроста.

– Вы любите интернет? – неожиданно спросила Анна.

– Я в нем не живу, – отрезал Ворсин. Лицо его загорелось, он обрадовался, что южный загар помог скрыть смущение.

– Если верить моей соседке, ваша жена жаловалась, что вы закрутили виртуальный роман с некоей Quiz. Так и пишете ей: «Дорогая Quiz». Кстати, почему вы решили, что ваш компьютерный друг – женщина?

– Я не собираюсь обсуждать эту тему, – нахмурился Сергей Антонович, неприятно пораженный тем, что его тайная жизнь в интернете стала достоянием общественности.

О Quiz он никому не рассказывал, даже лучшему другу Фалалееву. Познакомился Ворсин с нею случайно, прочел на сайте газеты «Киев вечерний» объявление. Удивился. «Мне тридцать пять. Некрасива, умна, по натуре сангвиник и пессимистка. Хочу познакомиться с мужчиной любого возраста, которого бы устроило исключительно электронное общение». Раньше он на подобные объявления внимания не обращал, поскольку считал такие знакомства глупостью. Женщина с ником Quiz отсекала всякие физические контакты, это ему понравилось. Сергею Антоновичу уже давно не хватало здравомыслящего собеседника, с которым можно обсуж-

дать не политические проблемы, от которых его тошнило, а общечеловеческие темы. Привлекало и то обстоятельство, что не нужно выходить из дома, ехать к черту на кулички, покупать цветы, ходить по театрам и ресторанам, тратить кучу денег и времени, а потом оправдываться перед женой. «Не исключаю, что вы ищете мужа, но восхищен способом, который избрали. Полагаю, что от соискателей сердца отбоя не будет. Роог», – написал он без всякой надежды на ответ. Почему Ворсин решил взять себе псевдоним «Роог», что в переводе с английского означало «Худой», он и сам не знал. Встречаться с загадочной Quiz он не собирался: женский ум тем и отличается от мужского, что никогда не угадаешь, когда он включится на полную мощь и на какие цели будет направлен.

Английский он знал отвратительно и слово «Роог» запомнил только потому, что такую кличку ему дали в старших классах. К его немалому удивлению Quiz ответила.

«Помните, что Пушкин написал о русских? Они ленивы и нелюбопытны. Поэт имел в виду русских мужчин, к женщинам это не относится. Приятно удивлена, что среди мужского пола иногда встречаются пытливые особи».

Ироническое послание слегка задело Ворсина, он не замедлил с ответом. Quiz оказалась умной и язвительной дамой, с готовностью обсуждала любые вопросы. Их переписка становилась все более откровенной, Ворсин сам не заметил, как обрел в лице Quiz надежного друга.

– Лично я ничего дурного в интернете не вижу, – успокоила его Анна. – Каждый знакомится так, как ему нравится. В конце концов, это неважно. Вот мы с вами в горах встретились, а могли бы увидеть друг друга на пляже.

– Вы тоже Всемирной паутиной интересуетесь? – спросил Ворсин.

Не дождавшись ответа, он отвел взгляд от собеседницы, которая так низко наклонилась над столом, что открылась ослепительно белая грудь. Женщина явно не любила носить бюстгальтер.

– У нас этим муж занимается. Он программист.

Упоминание о муже огорчило Ворсина. «Какое мне дело до него – обозлился он на себя. – Разъедемся по разным городам и вряд ли когда-нибудь встретимся».

– Вы в «Ай-Петри» отдыхаете? – поинтересовался Сергей Антонович. Он не рассчитывал на продолжение знакомства, но мысль о том, что в ближайшие несколько дней сможет хотя бы издали понаблюдать за Анной, его обрадовала.

– Я живу в частом секторе, снимаю комнатку. Так дешевле.

– За все годы независимости Украины я в первый раз приехал в санаторий, – смутился Ворсин. – До этого отпуск проводил исключительно на даче. При Советах, если помните, больше шести соток не давали. Участок хоть и крохотный, но аккуратный. Яблони, черешня, вишни, маленький огорожок. В общем, работы хватает, если не лениться.

– Завидую.

– Чему?

– Я ужасная лентяйка, патологическая. Сколько муж ни пытался привить любовь к огороду, ничего у него не вышло. У нас была дача, но мы ее продали.

– Насколько понимаю, у вас других хлопот хватает?

– Вы следователь, вот и докажите, что не зря сутками на работе пропадаете, – лукаво улыбнулась Анна. – А я вам помогу.

– Физическим трудом вы точно не занимаетесь. Во-первых, сами признались в нелюбви к сельскохозяйственному труду, во-вторых, руки больно ухоженные. Если принять во внимание коротко подстриженные ногти, вы определенно имеете какое-то отношение к музыке, но вряд ли к фортепьяно.

– Почему же? – в голосе Анны прозвучала некоторая обида.

– Руки у вас, конечно, сильные, но пальцы короткие. В юности, скорее всего, учились в музыкальной школе, не исключено, что занимались скрипкой или флейтой.

– Ходила в балетную школу.

– Но недолго.

– Угадали, – печально вздохнула Анна. – Хорошая балерина – это изнурительный труд, кошмарная диета и колоссальное честолюбие. А я была обычной девчонкой, обожала сладкое, особенно пирожные, любила книжки читать про любовь. Поэтому окончила музыкальную школу по классу скрипки. Теперь преподаю.

– А семейная жизнь у вас не сладилась, – продолжил Ворсин, вдохновленный успехом.

– Намекаете на отсутствие обручального кольца? – иронически улыбнулась Анна. – Не угадали. Муж силком выпроводил на юг, зимой у меня случился острый бронхит, врачи настоятельно советовали хотя бы пару недель отдохнуть у моря.

– Извините, – смутился Сергей Антонович, жалея, что ввязался в этот странный разговор.

Он с удвоенным усердием набросился на шашлык, чтобы поскорее покончить с едой. «Шерлок Холмс доморощенный, – с возрастающим раздражением думал он, угрюмо пережевывая мясо, которое не вызывало у него удовольствия. – Распустил хвост, как павлин. Антонина раньше тоже была стройной и легкой, как одуванчик. Эдакая неугомонная и своенравная коза-дереза, способная вскружить голову любому. А что в итоге? «И вот смотрю я пред собой и думаю, куда все делось?». Кто это написал? Кажется, Есенин, неважно. Чего жалеть и плакаться? Было бы замечательно, если бы изобрели способ вернуться в прошлое и его переиначить. Но ведь такого никогда не будет. И какого рожна возвращаться? Чтобы испытать жгучую боль? Садомазохизм в чистом виде.

Громкая музыка и жующая толпа мешали сосредоточиться. Пожелав Анне приятного аппетита, Ворсин поднялся из-за стола и направился к обзорной площадке. Он надеялся, что, уединившись, сможет разгадать ускользнувшую от него по пути на Ай-Петри тайну. Занятый своими мыслями, он не сразу обратил внимание на стоящую у края пропасти молодую пару. Девушка лет семнадцати, одетая в канареечную ветровку, сердито уговаривала своего спутника отойти от обрыва, а тот, улыбаясь, называл ее трусихой и звал к себе.

– Это совсем не страшно, Анюта, – убеждал парень.

Ветер нежно ворошил его русые волосы. Солнце било Ворсину прямо в глаза, силуэт молодого человека на фоне яркого лазурного неба казался почти черным.

– Тарас, если ты немедленно не перестанешь дурачиться, я уйду! – топнула ногой Анюта. На ее лице отразилась целая гамма чувств: страх, обида, смтение.

Сергей Антонович где-то читал о племени североамериканских индейцев, которые спокойно работали на строительстве небоскребов и абсолютно не боялись головокружительной высоты. Вероятно, это чувство закладывается в каждого человека на генетическом уровне, как и клаустрофобия. Отец Ворсина тоже не любил выходить на балкон, сердился, когда жена демонстративно усаживалась на перила, чтобы подразнить супруга. Мать Ворсина отличалась веселым нравом и отчаянной храбростью. Летние отпуска она, как правило, проводила в горах, покорила все семитысячники Советского Союза. Варвара Васильевна обожала песню Владимира Высоцкого «Альпинистка моя» и мастерски исполняла ее на гитаре. Маленький Сережа знал, что его мать нравилась другим альпинистам. Во всяком случае, на всех фотографиях, которые она привозила домой, были изображены крепко обнимавшие ее бородатые мужчины, обвешанные специфическим снаряжением.

Все ее экспедиции заканчивались одинаково. Варвара возвращалась слегка постаревшей, в уголках глаз проступали острокрылые лучики светлых морщинок, а кожа лица напоминала подсушенный пергамент: сказывались высокогорное солнце, ураганные ветра и холодрыга. Приняв ванну, она начинала усердно приводить себя в порядок, чтобы обновить, по ее выражению, «подпорченную морду». У нее на столике теснились всяческие кремы и мази, с помощью которых она умудрялась за несколько дней вернуть прежнюю красоту и привлекательность. Повзрослев, Сергей понял, что его отец, Антон Семенович, отчаянно ревновал жену,

но виду не подавал, молча страдал, когда она уходила в горы. Вероятно, предчувствовал беду, потому что втайне от жены крестил ее, когда она с тяжеленным рюкзаком за плечами выходила из квартиры. Однажды Сергей спросил, зачем он это делает. Отец, смутившись, ответил: «Хочу, чтобы мама вернулась домой невредимой. В старину так всегда делали, провожая кого-нибудь в дорогу». Древний обычай не помог: Варвара погибла на Памире при восхождении на пик Ленина в составе женской сборной. Из двенадцати альпинисток в живых осталась только одна, да и та отморозила ноги, которые впоследствии ампутировали.

Десятый день рождения Сережа встретил наедине с отцом, который, напившись, долго и горько плакал, вспоминая покойную жену и прижимая к мокрой груди испуганного сына. Через два года папа привел в дом тучную румяную Елену, которая была на десять лет моложе его и мигом взяла мужа в оборот. Антон Семенович перестал разбрасывать по всей квартире окурки, каждый день брился, на работу ходил в тщательно отутюженной свежей рубашке. В отличие от Варвары, которая готовить не любила и свободное время посвящала чтению книг, Елена к кухарничанию относилась с неистовой любовью, закармливала супруга и пасынка всяческими яствами. В семнадцать лет Сергей весил девяносто восемь килограммов. Он много раз давал себе зарок сесть на диету, но так и не смог преодолеть страсть к вкусной еде.

От мрачных воспоминаний Ворсина отвлек отчаянный женский крик. Тарас, оступившись, нелепо взмахнул руками и сгинул за обрывом. Аня с круглыми от ужаса глазами пыталась что-то выдать из себя, но у нее ничего не получалось. Преодолевая страх, Ворсин осторожно приблизился к краю обрыва. Тарас, подняв голову, с торжествующей улыбкой преспокойно сидел на корточках. Фокус заключался в том, что сразу за обрывом, на полтора метра ниже, находилась довольно широкая полка. Парень, дабы напугать девушку, сделал шаг назад, ловко спрыгнул на площадку и резко присел, создав полную иллюзию падения.

– Вставай, недоумок! – скривился Сергей Антонович и отступил на шаг, чтобы не видеть разверзшуюся рядом пропасть.

Улыбка медленно сползла с лица мистификатора, он открыл рот, чтобы высказать незнакомцу колкость, но его опередила Аня, которая оказалась рядом с Ворсиным,

– Он не балбес! – в голосе девушки просквозило презрение. – Ты, Тарас, бездушная тварь!

Аня, развернувшись, устремилась прочь. Тарас, пронзив Ворсина злобным взглядом, бросился ее догонять.

– Что за придурок, а если бы поскользнулся? – подумал Ворсин.

Он долго смотрел вслед убегающим влюбленным, ловя себя на мысли, что завидует им. Они когда-нибудь поженятся, обзаведутся детьми и наверняка обожгут крылья, погрузившись в ядовитый быт. Но это случится позже. А пока они будут ссориться, сладко и яростно мириться, придумывать друг другу ласковые прозвища вроде заек, солнышек и лапочек. В общем, делать то, что свойственно всем любящим. А у него все это позади. Ворсин едва не вскрикнул. Он вспомнил, о чем подумал, когда вагончик канатки приближался к верхней станции. Об этом несчастном случае Ворсин читал в газете, но забыл о нем. В Индии высоко в горах находится священный храм, к которому подведена подвесная канатная дорога. Однажды в результате обрыва несущего троса три кабины рухнули на землю, погибло семь человек. Остальных тридцать семь паломников, чьи вагончики зависли высоко над землей, спасли с помощью военных вертолетов. Десантники спустились к ним на веревках и переместили в безопасное место. Когда Рувим Романович наклонился к Антонине, Ворсин с необыкновенной ясностью представил разбившуюся кабину, слившись в один окровавленный бесформенный ком, лежали Антонина и Рувим Романович. Себя же он увидел живым и невредимым. Эта картинка с быстротой молнии мелькнула у него перед глазами и исчезла. И вот теперь, на краю пропасти, она снова всплыла в его памяти. Глядя вслед убегающему Тарасу, Ворсин опешил от мысли, что безвременная гибель Антонины его бы не слишком опечалила.

– Это было бы наиболее приемлемым выходом из ситуации, в которой ты оказался. Сергей Антонович вздрогнул и оглянулся: возле него никого не оказалось.

Голова в кустах

– Да, однажды мне пришла в голову мысль, что если бы с женой произошел несчастный случай, я бы огорчился, но не воспринял сей прискорбный факт как трагедию, – твердо произнес Ворсин.

Услышав злобный шепот адвокатши «Идиот», он добавил:

– Но это вовсе не означает, что я собирался убить жену.

– Неужели? – иронически осведомился прокурор. – В таком случае я хотел бы предоставить слово свидетелю. Он сделал приглашающий жест, обращаясь к Витьке.

– Прошу вас, молодой человек.

Сергей Антонович задохнулся от негодования. Суд явно превращался в фарс: мало того, что свидетелем выступал несовершеннолетний, так он еще и присутствовал в зале суда во время заседания, хотя по закону должен был пребывать за дверьми и ждать, когда его позовут. Ворсин вопросительно посмотрел на шустрюю адвокатшу, надеясь, что она отреагирует, но та и бровью не повела.

Витька, громко сопя и шаркая ногами, направился к трибуне, на которой красовались государственный трезубец и тощая Фемида с традиционными весами в руках. Ворсин с удивлением отметил, что у символа правосудия нет на глазах повязки. Ему даже показалось, что она смотрит на него с некоторым сожалением, будто заранее знает, чем закончится судебное заседание. Когда Витек проходил мимо, Ворсин, сам не понимая почему, неожиданно подставил ему ногу. Не ожидавший такого подвоха мальчишка споткнулся и растянулся на полу во весь рост. Из кармана его малинового пиджака выпала рогатка.

– Какой же ты неловкий! – воскликнула блондинка, подбежав к мальчику. Она подобрала рогатку и помогла ему подняться.

– Это он нарочно мне подножку подставил, чтобы я насмерть зашибся! – жалобно произнес Витька. На глазах у него выступили слезы. – Ему ребенка пришить, что два пальца уделать!

Шмыгнув носом, Витька вырвал из рук адвокатши рогатку и устремился к трибуне, которая превышала его рост. Потоптавшись, мальчишка решительно встал перед нею, загородив своим пиджаком Фемиду. Вытянув руки по швам, громко затараторил:

– Значится так. Дядю Сережу и тетю Тоню знаю давно. Они оба толстые, но разные. Тетя Тоня добрая и веселая, а дядя Сережа злой и вредный, как Макс.

– Кто такой Макс? – уточнила судья.

– Ротвейлер из соседнего подъезда. Он безбашенный. Увидит кошку, бросается на нее и разрывает на куски. Таких бешенных отстреливать надо. Если бы его хозяин дядя Боря не был таким крутым, этого барбоса давно бы замочили.

– Не отвлекайтесь, свидетель, – с мягким укором произнес прокурор.

– Сначала просят, а потом рот затыкают, – обиженно скривился мальчик.

– Ты для нас – образец гражданского мужества, – ласково промолвила судья и впервые за весь процесс улыбнулась. – Если все наши мальчишки будут такими же сознательными, как ты, от преступности в Украине и следа не останется.

– Тоже мне Павлик Морозов выискался, – вполголоса проронил Ворсин, не понимая, какая роль в процессе отведена этому дрянному мальчишке.

– Прошу оставить комментарии при себе, – строго посмотрела на него судья. – В противном случае лишу вас слова. Продолжайте, свидетель.

– Дело было так. Когда я после школы домой притопал, маманя погнала за хлебом. Спустился на лифте, подошел к двери, хотел открыть, а тут снаружи какая-то тетка завопила, как недорезанная: «Ты мерзавец и прелюбодей!» Я с перелеяку едва не уписался, а потом догадался, что эта припадочная меня не видит. На кой ляд мне чужие разборки? Метнулся под лестницу,

где вход в подвал. Когда тетка в подъезд ввалилась, я ее признал. Это тетя Тоня была. А за ней дядя Сережа шел. Он начал ее успокаивать. А она, в раж вошедшая, закричала: «Давай кайся, подлюга, пока рожа цела!». Я от них в подвал, они за мной. Нашупал дверь в какую-то кладовку, дернул – она и открылась. Заскочил туда, сердце чуть из горла не выскакивает. Слышу, как дядя Сережа спокойно так отвечает: «Каяться мне не в чем, я тебе не изменял. А вот то, что ты надоела мне хуже горькой редьки, так это факт».

Повествование чрезвычайно увлекло Витьку: глаза его загорелись, лицо покраснело, как перезревший помидор, руки пришли в неистовое движение. Умело подражая голосам Сергея Антоновича и Антонины, мальчик продолжил рассказ: «Ты из-за своей электронной бабы совсем рехнулся, это она тебе насоветовала меня изничтожить?» – «Что ты несешь?» – «А кто хотел меня на Ай-Петри в пропасть спихнуть? Думаешь, я дура, ничего не поняла? С белым светом попрощалась, когда глаза твои бешеные увидела. Ты, видать, думал, что человека порешить все равно, что котенка в речке ухайдокать? Нет, дорогой, в таком деле твердость и беспощадность требуются. А ты – тряпка, как был слабаком, так им и остался».

Слушая с обмирающим сердцем подлого мальчика, который, надо отдать ему должное, обладал отменной памятью, Сергей Антонович пришел к выводу, что дела его плохи.

Случай, о котором столь даровито живописал Витек, произошел в пятницу. Обычно Ворсин возвращался с работы поздно, но этот день был особенным: Quiz в четверг пообещала прислать ему нашумевшую работу Уильяма Пауэлла «Поваренная книга анархиста», в которой автор рассказывал о различных наркотиках и способах их приготовления. В этот момент Ворсин занимался расследованием трагического происшествия, произошедшего с двадцатилетним студентом экономического института Андреем Дерюгиным.

Парень жил вместе с родителями в двухкомнатной квартире, в их отсутствии надумал на кухне смастерить «адскую машинку». Когда прогремел взрыв, перепуганные соседи вызвали милицию. Как позднее объяснил Ворсину начальник научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра Матвей Несгорович, мощность взрыва в тротиловом эквиваленте превысила четыреста граммов. Ударная волна напрочь вышибла окна и двери, а студент лишился головы. Оперативники искали ее полтора часа, нашли в кустах, в пятидесяти метрах от многоэтажки.

– Представляешь, башка практически не пострадала, – делился своими впечатлениями Несгорович. – Жуткое зрелище. Как только ее увидел, меня вывернуло наизнанку.

Погибший оказался на редкость любопытным субъектом. С детства увлекался химией, часами возился с различными реактивами. Неизменно побеждал на всех городских олимпиадах, химические формулы щелкал как орехи. Ему прочили большое будущее, но парень неожиданно охладил к химии, увлекся экономикой. Ворсин подозревал, что Андрей так поступил, чтобы скрыть свое новое увлечение, которому, судя по всему, отдавал все свободное время.

– Мы нашли у парня в шкафу три самодельных взрывных устройства, – рассказывал Несгорович. – Все взрыватели электронные. В первом случае «бомбу» привели бы в действие часы-будильник, во втором – мини-радиоприемник, в третьем – фотоэлемент, реагирующий на свет. Например, мог бы сработать, если бы жертва, войдя в темную комнату, надумала щелкнуть выключателем. Но главное не в этом. Когда эти «игрушки» подорвали на полигоне, они рванули с такой силой, будто в каждой по килограмму тротила.

– Пластид?

– В том то и дело, что нет. Понимаешь, меня к этому делу подключили уже после того, как все запасы парня уничтожили. Поначалу этот несчастный случай расследовал Федя Подковырин, он работает следаком в Соломенском райотделе. Он мне рассказывал, что взрывчатку завернули в бумагу, обмотали синей изоляцией. Федя вскрыл все три пакета, обнаружил белый порошок. Отсыпал граммов по пять из каждого, отправил на экспертизу, но по пути образцы бесследно исчезли. В связи с этим даже проводили служебное расследование, виновного так

и не нашли. В общем, уникальная взрывчатка тю-тю, ни грамма не осталось. В комнате Андрея оперативники обнаружили кучу книг по прикладной химии, служебные инструкции для взрывников, больше сотни различных химических веществ в банках и картонных коробках, а также брошюру Пауэлла «Поваренная книга анархиста». Но Пауэлл пишет исключительно о наркотиках, причем здесь взрывчатка ума не приложу. Поверь, этот Андрей – настоящий самородок. Думаю, что он создал совершенно новый тип взрывчатки! Я назначил экспертизы кожных покровов трупа и головы, но спецы так и не смогли определить состав взрывчатого вещества, назвали только пару компонентов. Один из них весьма любопытен. Это перекись ацетона, обладающая свойствами иницирующих взрывных веществ. Она чувствительна к внешним воздействиям – трению, ударам, искре и даже к перепадам температуры, поэтому может взорваться и без вмешательства человека.

– Как думаешь, зачем ему понадобилось изготавливать четвертую «бомбу»?

– Трудно сказать. Может, заказ поступил на какое-нибудь новое оригинальное устройство. Не исключено, что парень экспериментировал. Мощность взрывчатки он ведь мог оценить только одним способом – подрывом.

Этим странным происшествием должна была заниматься милиция, но поскольку труп налицо, дело перебросили в прокуратуру. Факт изобретения двадцатилетним гражданином нового типа взрывчатки в протокол не попал, никто бы не возразил, если бы Ворсин закрыл дело. Другой бы следователь на его месте так и поступил, но Ворсин решил повременить: ему не понравилось, что Андрей экспериментировал не только со взрывчаткой, но и со взрывателями. Зачем ему понадобился фотоэлемент? Уж больно специфическая «бомба» получилась, за такую можно браться только в том случае, если имеется конкретный заказ. Несгорovich утверждал, что все три взрывных устройства безоболочные, но это еще ничего не значило: для того, чтобы начинить их гвоздями и болтами, большого ума не надо. И потом, где Андрей брал деньги на дорогостоящее хобби? Судя по показаниям его матери, семья не бедствовала, но и в роскоши не купалась. А между тем, по самым скромным подсчетам, общая стоимость химических веществ, найденных в комнате изобретателя, превышала годовую зарплату родителей. Парня могли бы, конечно, пригнать бойцы из столичной группировки «Варнаки». Именно они специализировались на подрывах, но с другой стороны, проще завалить заказанную жертву из пистолета, чем связываться с неизвестным взрывным устройством. Если Андрей занимался изготовлением одной только взрывчатки, то зачем ему понадобилось пособие по наркотикам? Все свидетели в один голос утверждали, что покойный наркотиками не увлекался, даже травку не курил. Именно поэтому Ворсин решил почитать брошюру Пауэлла, надеясь найти в ней ключ к загадке.

Сергей Антонович вкратце сообщил Quiz о странном парне, и та пообещала раздобыть записки Пауэлла, а заодно поделиться последними новостями в области взрывчатых веществ. Ворсин уже давно не удивлялся, что Quiz могла вполне профессионально рассуждать на такие специфические темы, как трасология или баллистика. Эта женщина, казалось, только тем и занималась, что читала все подряд, начиная с истории древней Греции и заканчивая учебниками по квантовой физике. Однажды он поинтересовался, чем можно объяснить столь редкую для женщин эрудицию. Quiz ответила, что часами торчит в интернете, где и черпает необходимую информацию.

В тот злосчастный вечер Ворсин с нетерпением спешил к домашнему компьютеру и неожиданно возле подъезда нос к носу столкнулся с женой. Антонина, видимо, всерьез подготавливалась к возвращению мужа. Когда она потащила его в подвал, Ворсин не сопротивлялся, слишком неожиданным и абсурдным показалось ему обвинение в неверности. Но как только жена заговорила об Ай-Петри, он по-настоящему испугался.

***

Спустившаяся с зубцов Ай-Петри Антонина пребывала в превосходном настроении. Она потащила мужа к татарам, хотела заказать вина, но Ворсин запротестовал и потребовал пива. После пары бутылок «Оболони» неприятно закружилась голова, но Сергей Антонович не придал этому должного значения. Он некоторое время беспокойно оглядывался по сторонам, опасаясь встречи с Анной, но, убедившись, что в таком людском водовороте найти нужного человека нелегко, успокоился.

– А когда ты успела английский выучить? – поинтересовался Ворсин у жены, хотя заранее знал, что она ему ответит.

– Последняя бутылка пива – явно лишняя, – с улыбкой констатировала Антонина. – С чего ты взял, что я знаю английский? Я же в школе немецкий изучала.

– Ты хочешь сказать, что и в мой компьютер не заглядывала?

– По моему, тебе надо отдохнуть. Ты был прав, лучше бы мы сюда не приезжали, – вздохнула Антонина. – Высота и алкоголь вредно на тебя действуют.

– Извини, мне что-то нехорошо.

Тошнота накатывала волнами, он побледнел и жадно хватал воздух ртом.

– Что с тобой? – испугалась Антонина, заметив, как помутнели глаза мужа. – Сердце болит?

– Да нет, желудок забастовал, ничего страшного, – успокоил ее Ворсин. – Пойду, прогуляюсь, здесь дымно.

Он с трудом поднялся, пошатываясь, направился к обзорной площадке, слева от которой зеленели сосны. Антонина догнала его, взяв под локоть, пошла рядом. Метрах в десяти от обрыва они нашли тропку, спустились в небольшое ущелье, заросшее кривыми сосенками и кустами боярышника. Сюда не долетали человеческие голоса, а воздух был напоен ароматом горных цветов. Ворсин лег на траву, уставился в бездонное бледно-голубое небо. Голова у него все еще кружилась, но тошнота отступила. Антонина, подстелив шаль, села подле него, положила ему на лоб свою пухлую прохладную ладонь.

– Это на тебя так пиво подействовало, срок хранения у него два месяца назад закончился, – мягко произнесла она. – Я посмотрела на этикетку.

Ворсин тяжело вздохнул. Он, конечно, сваял дурака, усугубив вино отвратительным пивом. На душе муторно и паршиво: еще никогда его так легко и элегантно не разводили. А в том, что Анна – та самая Quiz, с которой он общался по интернету, сомнений не было. Сергей Антонович пришел к такому выводу, сопоставив несколько фактов, на которые не сразу обратил внимание.

Тоня не могла рассказать своим санаторским подружкам, где он работает. Она, конечно, любит поболтать, но далеко не дура, да и страшный девяносто пятый год научил ее многому. В то время на улицах украинских городов почти ежедневно громыхали автоматные очереди и взрывались гранаты, бандиты с исключительным энтузиазмом мочили друг друга и методически отправляли на тот свет строптивых коммерсантов. Ворсины тогда жили на третьем этаже в старой хрущевке. Жарким воскресным днем, истекая потом, Ворсин в одних трусах лежал на диване, смотрел по телевизору очередное латиноамериканское «мыло». Чуть слышно урчащий вентилятор вгонял в сон. Ворсин не обратил внимания на прозвучавшие этажом выше негромкие хлопки.

Находившаяся в это время на кухне Антонина позднее утверждала, что выстрелы насторожили ее, но она решила, что муж смотрит боевик. Часа через полтора проснулся дверной звонок. Зевая и почесывая волосатую грудь, Ворсин открыл дверь и опешил: на лестничной площадке теснились вооруженные автоматами бойцы спецподразделения милиции и люди в штатском, среди которых он узнал Колю Фалалеева и следователя из районной прокуратуры Юру Борцева.

– Вы двое заступаете на круглосуточное дежурство, – приказал один из штатских, обращаясь к автоматчикам. – А ты, Фалалеев, ознакомь с ситуацией следователя Ворсина. Только не усердствуй, а то я тебя знаю.

Ничего не понимая, Ворсин попятился, пропуская в квартиру Фалалеева и двоих бойцов в бронежилетах. Автоматчики, громко топая коваными ботинками и не обращая никакого внимания на хозяев, дотошно осмотрели квартиру и ничего подозрительного не нашли.

– Располагайтесь на балконе, – посоветовал им Фалалеев. – Там и покурить можно, если хотите. А мы покалякаем о делах наших скорбных.

– Что все это значит? – наконец-то обрел дар речи Ворсин.

Фалалеев, ни слова не говоря, увлек Сергея Антоновича на кухню.

– Водка есть? – спросил он Антонину, которая вошла вслед за ними и смотрела на гостя, как на марсианина.

Женщина кивнула, проворно извлекла из холодильника бутылку «Пшеничной».

– Вот и хорошо, – обрадовался Николай. – А то на сухую говорить как-то не с руки. Найди-ка три рюмки.

Фалалеев ловко открутил пробку пол-литровки, аккуратно разлил водку.

– Вы знаете фамилию соседа, который живет над вами? – спросил он.

– Не помню, – пожал плечами Сергей Антонович. – Они въехали года полтора назад и сразу нас залили. Мы с ними не общаемся.

– Его фамилия Фосин. Предлагаю выпить за упокой души этого человека.

Антонина вскрикнула, выронила рюмку, которая разбилась вдребезги. Фалалеев проворно достал из шкафчика еще одну, наполнив до краев, поставил перед хозяйкой. Ворсин и Антонина, как загипнотизированные, выпили водку и вопросительно уставились на Николая.

– Живущую на первом этаже Изольду Леонидовну знаете? – снова поинтересовался Фалалеев.

– Ты, Коля, пришел шарады загадывать? Объясни по-человечески, что случилось? – обозлился Ворсин, заметив, что у жены дрожат руки, она вот-вот расплачется.

– Сначала выпьем за здоровье почтенной старушки, а потом я все расскажу по порядку, – ответил Фалалеев, разливая водку.

После второго тоста Николай неожиданно предложил третий.

– Хочу выпить за то, чтобы мой друг и отличный следователь Сережа Ворсин жил сто лет и умер на бабе, исполняя мужской долг.

– У тебя, Николай, только одно на уме, – вышла из оцепенения Антонина. – Не тяни kota за хвост.

– Хорошо, – махнул рукой Фалалеев. – За здоровье твоего дорогого муженька мы все равно выпьем, но позже. А теперь слушайте. Сегодня примерно в четырнадцать часов пятьдесят минут к вашему подъезду подошел низкорослый молодой человек, одетый в джинсы и футболку с надписью «Адидас». В руке – черный полиэтиленовый пакет. Он спросил у сидевшей на скамейке возле подъезда Изольды Леонидовны, в какой квартире живет Ворсин. Старушка оказалась туговата на ухо, отправила его в квартиру номер сорок, где жил бедняга Фосин. Молодой человек поднялся на нужный этаж и позвонил. Дверь открыла Елена Константиновна, жена Фосина. «Кто вам нужен? – спросила она, хотела сказать, что незваный гость, вероятно, ошибся адресом, но не успела – из зала в прихожую вышел ее муж. «Что случилось?» – спросил он. Это были его последние слова. «Адидас» ловко извлек из пакета «Беретту» и открыл огонь. Фосин скончался на месте, одна из пуль угодила ему в сердце. А вот Елене Константиновне повезло, она получила два касательных ранения – в руку и в плечо. Обе раны оказались пушечные, а сознание женщина потеряла от испуга. Придя в себя, позвонила в милицию. По факту убийства гражданина Фосина и покушения на убийство его жены прокуратура Киева намерена возбудить уголовное дело. Завтра, Сережа, ты будешь давать официальные показания Борцеву.

Не исключено, что убийца приходил по твою душу. А пока что в твоей квартире подежурят бойцы. Между прочим, нет худа без добра, теперь на работу тебя будет доставлять служебная «Волга».

За столом установилось гнетущее молчание. Антонина с искаженным от страха лицом, на котором медленно проступали красные пятна, смотрела на мужа, как на покойника, трясущиеся руки она скрестила на груди.

Ворсин сходил в зал, нашел успокоительное, заставил жену выпить таблетки. После того, как Антонина легла в постель, Сергей Антонович с Фалалеевым живо приговорили «Пшеничную» и послали одного из охранников за второй бутылкой. До глубокой ночи они перебирали в памяти всех подследственных, которые могли отомстить Ворсину, но к единому мнению так и не пришли. По большому счету, зуб на следователя мог иметь любой преступник, но вероятность того, что кто-то из эков решил поквитаться с Ворсиным, была практически ничтожной. Любой бандит хорошо понимает, что следователь – всего лишь маленькая шестеренка, вращающаяся в чреве громадины, именуемой правоохранительными органами. Если убрать одного следака, на его место придет другой, и еще не факт, что последующий окажется лучше предыдущего.

Убийцу Фосина так и не нашли, дело безнадежно зависло, а через пару недель сняли и охрану. Ворсину, как и раньше, пришлось добираться на работу на троллейбусе, что позволило ему лишний раз убедиться, что люди к хорошему привыкают куда быстрее, нежели к плохому. Изольда Леонидовна, направившая в квартиру Фосиных убийцу, через месяц скорпостижно скончалась. Люди во дворе шептались, что старушку замучила совесть. Елена Константиновна, похоронив мужа, свою двухкомнатную квартиру продала. По настоянию Антонины Ворсин записался на прием к прокурору Киева, попросил походатайствовать о перемене места жительства. Как ни странно, через неделю его просьбу удовлетворили. Когда они переехали в девятиэтажку, Антонина первой предложила не говорить соседям, где и кем он работает.

– Так будет лучше и для них, и для нас, – резонно заметила она. – А будут спрашивать, говори, что трудишься юрисконсультком в коммерческой фирме.

С той поры в присутствии посторонних Антонина предпочитала не говорить о профессии мужа. Правда, через несколько лет выяснилось, что киллер все-таки не ошибся, отправил на тот свет того, кого ему заказали, а Изольда Леонидовна, судя по всему, прекрасно расслышала вопрос и направила гостя по нужному адресу.

Расследуя дело об убийстве столичного авторитета по кличке Рэмбо, милиция арестовала некоего Ристальщикова. Этот ничем не примечательный двадцатипятилетний паренек, хилый и узкоплечий, оказался настоящим профи. Признался в убийствах по заказу пяти человек, в том числе и Фосина. Как установило следствие, Фосин занимал должность гендиректора небольшой кондитерской фирмы, занял сто тысяч долларов у некоего Авербаха и отказался возвращать долг. Такая наглость стоила ему жизни, заимодавец заплатил Ристальщикову за ликвидацию должника пять тысяч долларов.

Унаследовав сладкий бизнес, Елена Константиновна оказалась благоразумнее покойного мужа. Когда Авербах потребовал от нее, учитывая нанесенный моральный ущерб, не сто, а двести тысяч долларов, безропотно подчинилась, хотя ей пришлось продать злосчастную квартиру и почти достроенный загородный дом. Авербах по достоинству оценил благоразумие вдовы и вскоре на ней женился. Объединив капиталы, парочка создала ОАО «Карма», за пять лет супруги подгрести под себя четверть кондитерского рынка Украины. Фирма все еще раскручивалась, когда разразилась гроза – Авербаха задержали по подозрению в организации заказного убийства гражданина Фосина. Через семьдесят два часа ему удалось выйти на свободу. Понимая, что гулять на воле осталось недолго, он оформил дарственную на супругу, завещав ей все движимое и недвижимое имущество.

Когда прокурор подписал постановление на арест Авербаха, тот уже был таким же нищим, как и большинство граждан Украины. Став единственной хозяйкой «Кармы», Елена Константиновна после второго ареста мужа незамедлительно с ним развелась, за несколько дней ликвидировала бизнес, продав фирму за полцены. Авербах, вероятно, надеялся, что супруга сделает все возможное, дабы поскорее вызволить его на свободу или хотя бы сократить срок до минимума, но жестоко ошибся. Елена Константиновна еще до начала суда укатила на ПМЖ в Германию, забыв попрощаться с бывшим мужем. Авербаху дали двенадцать лет, а Ристальщикова приговорили к пожизненному заключению. Когда Ворсину поведали эту историю, он долго раздумывал, рассказывать ли об этом Антонине, потом решил, что будет лучше, если она так и останется в неведении.

Подозревать Антонину в том, что она копалась в его файлах, глупо, жена панически боялась компьютера и принципиально не хотела его осваивать. Сколько ни пытался Ворсин втолковать ей, что между компьютером и телевизором принципиальной разницы нет, Антонина только иронически улыбалась и презрительно поджимала губы. Она считала, что вреда от компьютера гораздо больше, чем пользы.

– Во-первых, зрение со страшной силой портится, – утверждала она. – Посмотри на себя: за два последних года ты полдиоптрии потерял. Во-вторых, компьютер до такой степени развращает человека, что он без этого электронного костыля и шагу ступить не может. Я уж не говорю о компьютерных играх – это погибель для молодежи. Психиатр, с которым я часто общаюсь по службе, прямо таки места себе не находил, когда мы беседовали. К нему мамаша примерно нашего с тобой возраста привела своего балбеса. Осмотрел он парня, никаких аномалий, только щитовидка слегка увеличена, но после Чернобыля такое наблюдается практически у всех киевских детей. Единственная странность – больно неразговорчив, слова не вытащишь. Видит – женщина едва сдерживается, чтобы не разрыдаться. Стал утешать, дескать, повода для беспокойства нет, здоровье у парня по нынешним временам отменное. Она и рассказала кошмарную историю.

Богдан учился в институте, а по вечерам составлял компьютерные программы для фирмы. Иногда звонил и предупреждал родителей, что переночует на работе. Утром, как правило, приезжал домой, завтракал и отправлялся в институт. Примерно полгода назад пропал на два дня. Вернувшись, сделал вид, будто ничего не произошло. После этого случая Богдан все чаще являлся домой под утро, а на вопрос, где был, обычно отвечал: «На работе». Но, позвонив директору фирмы, его отец, Олег Константинович, узнал, что сына уволили за прогулы.

Когда парень в очередной раз не явился домой, Олег Константинович позвонил в институт, где ему сказали, что студент неделю не посещает занятия. Спустя трое суток после исчезновения сына родители написали заявление в милицию. Олег Константинович обзвонил все morgi и больницы, но безрезультатно. И тут ему на глаза попала заметка в газете, где речь шла о паренке, который, «присев» на компьютерные игры, украл дома сто гривен и двое суток путешествовал по компьютерным клубам. Он вспомнил, что Богдан в последнее время по выходным дневал и ночевал у компьютера, играя в какую-то стрелялку. В Киеве сотни компьютерных клубов и интернет-кафе. Поиски Богдана могли затянуться надолго, если бы не помог случай. Поздно вечером позвонил парень, приняв Олега Константиновича за Богдана, спросил: «Ты все еще в „Бухте“ торчишь?».

Олег Константинович нашел в блокноте сына несколько телефонных номеров и наудачу стал названивать. Один из знакомых Богдана сказал, что «Бухта» – это круглосуточный компьютерный клуб, назвал его адрес. Через полчаса он с женой прибыл туда. Богдан сидел за компьютером. Посмотрел на родителей, как на пустое место, но, похоже, узнал. Взяв за руку, отец повел его за собой, как бычка на привязи. Он превратился в покорное и безвольное существо. Олегу Константиновичу удалось выяснить, что Богдан около года назад всерьез увлекся компьютерными играми, даже в составе команды участвовал в нескольких международных турни-

рах. Богдан просидел целый месяц под домашним арестом, а затем отец определил его в строительную бригаду. Он копает траншеи и потихоньку приходит в себя.

Сергей Антонович не удивился.

– История развивается по спирали: если раньше дети много читали, теперь их трудно оторвать от монитора, – убеждал жену Ворсин. – И ничего страшного в этом нет, во всем нужно руководствоваться здравым смыслом. Яд в малых дозах – эффективное лекарство, ты это знаешь не хуже меня. Я как-то на одном из сайтов прочел интервью с бывшим старшим оперуполномоченным питерского уголовного розыска. Сегодня он считается одним из лучших в России журналистов, пишущих о компьютерных играх. Когда этот мент сутками пропадал на работе и с риском для жизни искоренял преступность, то получал гроши. Однажды он купил популярную компьютерную игру, пару раз прогнал ее на компьютере, написал статью для московского журнала. Гонорар, который получил опер, превысил его месячную зарплату. После этого он уволился со службы, подался в обозреватели компьютерных игр. И в гробу теперь видал всю организованную и неорганизованную преступность!

– А кто тебе мешает заняться тем же самым?

– Если все сотрудники правоохранительных органов статьи кропать начнут, кто же бандитов ловить будет? – пожал плечами Ворсин.

– А ты не задумывался, что за служение злу всегда много платят?

– Что ты имеешь в виду?

– Вот я медик, получаю копейки, хотя более благородной профессии, на мой взгляд, в мире не существует. Учителя тоже с хлеба на воду перебиваются, а ведь от них будущее страны зависит. Ты работаешь следователем, избавляешь общество от всякой нечисти, а зарплата у тебя такая же никудышная, как и у меня.

– Можно подумать, что среди врачей коновалов мало, – заметил Ворсин, сообразив, куда гнет жена: с тех пор, как она ударилась в религию, везде подозревала происки дьявола.

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, – обиделась Антонина. – Не надо передегивать. Речь идет о профессии, а не об отдельных ее представителях. Если бы все медики были, как ты выражаешься, коновалами, тебя бы давно на этом свете не было. Вспомни хотя бы Крым, где тебе череп проломили.

Сергей Антонович плюнул от досады и вышел из спальни. В тот вечер Антонина, вдоволь наплакавшись, исчерпала запасы скорби и заснула так крепко, что даже на работу проспала, хотя раньше за нею такое не водилось. А Сергей Антонович так и не сомкнул глаз, вспоминая горькое и счастливое прошлое.

Глава вторая

Могильное дело

Поступая в юридический институт, Ворсин ни минуты не сомневался, что будет заниматься практическим уголовным правом. Изучая историю КПСС, он однажды прочитал в учебнике фразу, что при коммунизме не будет преступников, все люди, дескать, станут свободными и сознательными, а труд на благо общества превратится для них в осознанную необходимость. Последнее словосочетание Сергея страшно развеселило. По его пониманию, любая надобность, пусть даже трижды осмысленная, никакого отношения к настоящей свободе не имеет. Осознанный труд на благо других не свойственен человеку по определению и возможен только в том случае, если этот гражданин будет вкалывать по принуждению. Ясно как божий день, что любой работяга рано или поздно такое абсолютно «вольное» занятие возненавидит и непременно восстанет. А коли так, придется создавать службу принуждения, суд и прочие силовые ведомства. Но поскольку в таком случае без квалифицированного дознания не обойтись, то профессия следователя будет востребована при любом коммунизме. Да и воры, положим, никуда не денутся, будут красть хотя бы из-за любви к искусству. Когда Ворсин однажды высказал эти мысли преподавателю истории КПСС, тот, испуганно оглянувшись, обозвал его еретиком и посоветовал покрепче держать язык за зубами.

После окончания института Ворсин попал по распределению в Северокрымск, захолустный уездный городок, расположенный в северо-восточной части Крымского полуострова. В середине тринадцатого века здесь была возведена резиденция одного из наместников Золотой Орды, назывался город Колхатом. Он начал торговать, разросся и превратился в большой центр, но после того, как столицу крымского ханства перевели в Бахчисарай, зачах. Когда сюда пришли русские солдаты, от него остались только крепостные укрепления. Их разобрали и построили из древних камней две деревни. После революции их объединили в одно большое поселение, которое через двадцать лет стало райцентром, получило статус поселка городского типа. Обо всем этом Ворсину рассказала директор местного исторического музея Анна Пермякова, с которой он познакомился сразу после приезда в Северокрымск. Девушка обратилась в милицию после того, как в полукилометре от города кто-то раскопал могильник четвертого века нашей эры. Для Ворсина это был первый рабочий день в качестве оперуполномоченного уголовного розыска. Заместитель начальника РОВД по оперативной работе Андрей Осипов, поручивший ему расследовать «могильное» дело, был немногословен.

– В нашем районе это уже третий случай. Я, конечно, понимаю, что ты не Шлиман, но и разграбленная гробница далеко не Троя. Так что отнесись к делу серьезно. Если помощь потребуется, заходи без церемоний.

Когда Анна привела Сергея на могильник, он удивился. Единственный шурф выкопали на три метра в глубину.

– Кто-то подсказал им, где копать, – убежденно проговорила Анна. – Крым недаром называют перекрестком цивилизаций. Здесь побывали многие народы: тавры, греки, готы, аланы, сарматы, гунны, болгары, печенегы, половцы, гунуэзцы, татары и армяне. И все оставили следы своей материальной культуры. Посмотрите, – она нагнулась и подобрала череп тускло-желтого цвета. – Скорее всего, это мужчина. Причем, судя по зубам, пребывал в преклонном возрасте, видите, как эмаль сточена. В те годы, так же как и сегодня, от кариеса никто не был застрахован, даже аланы.

Пролететь в узкую нору, ведущую в гробницу, Ворсин не смог. Побывавшая там раньше Пермякова сказала, что грабитель вынес из могилы все ценное, оставил только разбитый глиняный кувшин.

– И чем же поживился?

– В таких могильниках попадаются и золотые украшения, но чаще всего можно найти кувшины, бусы из янтаря или крымского сердолика, ожерелья, бронзовые серьги.

Печально рассматривая череп, Ворсин подумал о бренности всего сущего на земле и беззащитности покойников. Взять тех же аланов. Эти люди жили, как умели: растили хлеб и детей, с почестями предавали земле умерших, рыли для них под землей просторные камеры, оставляя рядом все, что могло понадобиться на том свете. Они, вероятно, даже не представляли себе, что потомки начнут вскрывать священные гробницы с такой же легкостью, как консервные банки.

– Мне трудно сказать, кто это сделал, – пожал плечами Анна. – Но древностью у нас интересуется только один человек – Василий Вирник. Не думаю, что он сам раскопками занимался, но что-нибудь об этом наверняка знает.

Сорокалетний Вирник работал водителем на птицефабрике, жил в частном доме на улице Подпольщиков.

– По нему психушка давно плачет, – охарактеризовал Василия директор птицефабрики. – Обязательно побывайте у него дома. Вместо того чтобы как все нормальные люди яблоки, черешню или персики посадить, он весь приусадебный участок елями да соснами загородил и макеты каких-то дурацких дворцов понастроил. Про таких в народе правильно говорят: без царя в голове.

Добравшись до улицы Подпольщиков, Ворсин спросил первого попавшегося прохожего, как найти дом Вирника. Тот с улыбкой ответил:

– Идите все время прямо, не промахнетесь.

Жилище Вирника выглядело необычно. Большинство частных домов в Северокрымске построены из ракушечника, изредка попадались кирпичные строения, только Вирник соорудил сруб. Эта затея, вероятно, обошлась недешево, так как с лесом в Крыму туго. Дом с мансардой, крытый не бледно-серым шифером, который на полуострове применялся повсеместно, а листовым железом, покрашенным в клюквенный цвет. Но больше всего удивили Сергея двусторчатые резные ставенки, которые на юге Украины, в отличие от средней полосы России и Сибири, встречались редко. Участок вокруг дома по периметру обсажен стройными голубыми елями. Такие Ворсин видел только на железнодорожном вокзале в Симферополе и в Никитском ботсаду под Ялтой. Между ними росли элегантные туи.

Не обнаружив на калитке электрического звонка, Сергей открыл ее и направился по песчаной дорожке к дому. Не сделав и пяти шагов, внезапно почувствовал, что за ним кто-то внимательно наблюдает. Острое чувство опасности заставило оглянуться. Ворсин окостенел: угрюмо насупившись, на него исподлобья смотрел огромный пес с коротко обрубленными ушами. Судя по глубоко посаженным глазам, в которых клочкотала желтая злоба, к незваному гостю кавказец не питал никакого почтения. Откуда он появился, оставалось загадкой, собака будто материализовалась из воздуха. «Мальчик, на место!», – услышал Сергей Антонович. На пороге дома стоял худощавый мужчина в черной футболке. Ворсин обратил внимание, что одно плечо у него выше другого. Пес, недовольно фыркнув, неторопливо прошествовал мимо Ворсина и скрылся за углом.

– Он только с виду такой свирепый, а на самом деле мухи не обидит, – весело пояснил мужчина. – Меня Василием Андреевичем кличут, – представился он. – А вы, надо полагать, не местный?

– Оперуполномоченный, – произнес Сергей. Он смутился из-за того, что испугался обыкновенной собаки. – Я два дня назад приехал.

– И сразу попали с корабля на бал. Вас, значит, Пермякова ко мне прислала? – догадался Василий. – Да вы не стесняйтесь, про меня много небылиц наплели, я привыкший. Вам уже говорили, что я малохольный и чокнутый? Когда у людей не хватает мозгов, чтобы объяснить поступки другого человека, они объявляют его полоумным, потому что им так удобно. Когда я сюда перебрался, шибко удивился: как так – соседи промеж собой не дружат, в гости друг к другу не навещаются. На кого не взгляни, каждый сам себе на уме, с хитрецей и оглядкой, ни слова по простоте душевной не выскажет. В лицо говорит одно, а за спиной другое, при этом изгаляется, языком молотит, как крупорушка. Как такое может быть? А потом понял. Народец здесь собрался пришлый, люди из разных концов Украины и России приехали, родни вокруг нет, чего им стесняться? Вот и показывают истинную натуру. Ноев ковчег, одним словом. Да вы в дом проходите, чего на улице торчать, я вас чаем из трав попотчую.

Ворсин ожидал увидеть земляной пол и срубленные при помощи топора неуклюжие столы и табуретки. Комната, в которую привел Василий, мало чем напоминала крестьянскую светлицу. Всю ее заднюю часть занимал дефицитный и дорогой шкаф, именуемый в народе «стенкой», до отказа забитый книгами. Возле окна примостился журнальный столик, сработанный из песочно-желтого полированного камня, рядом с которым вальяжно разместились два кресла. По приглашению хозяина Ворсин с удовольствием погрузился в одно из них.

Василий принес чайник, две тонкие фарфоровые чашечки и сахарницу, в которой лежал кусковой желтоватый сахар. Ловко разлив чай, Василий пояснил, что уже давно не пьет грузинский, который, на его взгляд, по вкусу напоминает обыкновенную солому.

– Когда сюда перебрался, завятым травником заделался, – пояснил он. – В здешних местах растут ромашка, чабрец, лимонник, зверобой, горицвет, душица и десятки других лекарственных трав. Поначалу удивлялся, глядя на местных жителей: в двух шагах природная лечебница, а они, когда заболеют, антибиотиками травятся.

– Я так понимаю, в Крым вы из Сибири переехали? – поинтересовался Ворсин.

– Если точнее, то из Туры. Есть такой поселок городского типа в Красноярском крае. Считается центром Эвенкийского национального округа. Расположен на реке Нижняя Тунгуска, в том месте, где в нее впадает другая река Кочечум. Поселок маленький, всего пять тысяч жителей.

– На эвенка вы не похожи.

– Я чистокровный украинец, родом из Бобровицы Черниговской области. А в Туру попал случайно. После службы в армии за длинным рублем на Север подался. Мечтал устроиться на золотые прииски, а попал в леспромхоз. Поскольку служил в танковых войсках, с трактором справился без труда. Думал пару лет отпахать, на «Москвича» заработать и свалить на историческую родину. А вместо этого десять лет отмотал. Как говорят эки, от звонка до звонка. Большие деньги человека развращают. Это я понял, когда в первый раз в отпуск собрался. Сначала на пару недель в Крым подался, в санатории «Узбекистан» отдыхал, а потом на побывку домой съездил. Бывшие одноклассники к тому времени все переженились, детьми обзавелись. Посмотрел я, как они за сто десять рублей в месяц вкалывают, каждую копейку считают, и понял, что такая жизнь не по мне. Да вы пейте, пейте, а то чай остынет, – спохватился Василий.

Ворсин оценил приятный аромат и тонкий вяжущий привкус травяного чая.

В институте во время сдачи экзаменов приходилось не спать ночами, спасал только черный, как антрацит, чифирь. Метод заварки немудреный, но действенный: в большой чайник с только что вскипевшей водой высыпалась пачка грузинского чая, а затем посуда накрывалась какой-нибудь дерюгой на полчаса, чтобы напиток настоялся. Чифирь, правда, изрядно сажал сердце, но зато начисто лишал сна.

– Вы заметили, что многие заболевания сегодня стали агрессивнее, чем последние полста лет назад? Люди с упорством, достойным лучшего применения, денно и нощно сами себе

роют большую-пребольшую яму. Вместо того чтобы пользоваться проверенными рецептами, которым тысячи лет, они ударились в химию, изобретают новые все более мощные лекарства.

– И что же вы предлагаете?

– Ничего нового. Нужно возвратиться к собственным истокам: вспомнить забытые старинные рецепты, возродить народное целительство, которое официальная медицина, по моему мнению, совершенно несправедливо преследует. Я вот на Севере наблюдал, как врачуют шаманы. Поучительный процесс. Они воздействуют, прежде всего, на подсознание больного, вызывая у него нужные для исцеления ассоциации. Вас в институте наверняка учили, что материя первична, а сознание вторично. Знахари придерживаются прямо противоположной точки зрения, считают, что для того, чтобы поставить на ноги больного человека, нужно изменить его сознание, пробудить в нем те внутренние силы, о которых он даже не догадывается. Приведу пример из личных наблюдений. Все приезжие на крайнем Севере страдают от недостатка витаминов, а эвенки придумали гениально простой способ восполнения этих веществ – едят сырую оленью печень. Эвенков иногда называют тунгусами, что в переводе на русский язык означает «идущие поперек хребтов». И это точное определение, потому что тяга к жизни у этого народа сумасшедшая. Подумайте сами, в каких условиях им приходится жить. Зимой температура иной раз доходит до пятидесяти градусов, причем морозы длятся по восемь-девять месяцев в году. Лето нежаркое, самый теплый месяц – июль, хотя и в это время года природа иногда устраивает фокусы, днем пятнадцать градусов, а вечером снег повалил. По-научному этот край называют экстремально дискомфортной зоной. Европейец без соответствующей подготовки и амуниции тамошнюю зиму не переживет. Да и эвенки, честно говоря, давным-давно вымерли, если бы не олени. Эти славные животные, по сути, сытная еда, теплое одеяло и вездеход повышенной проходимости в одной упаковке. Эвенки истинные дети природы. Пользоваться железом они стали не так давно, после того, как по Нижней Тунгуске к ним приплыли первые русские купцы. Они тысячу лет кипятили воду в деревянных чанах, бросая туда раскаленные камни, а мясо жарили на углях. Из соболиных шкур делали одеяла и подбивали ими лыжи. За простой медный котел заезжим купцам отдавали столько соболиных шкурок, сколько в него влезало. И при этом называли русских глупыми людьми, потому что котел мог прослужить целый век, а любой мех лишь несколько сезонов. Еще чаю хотите? – спросил Василий, заметив, что гость поставил на столик пустую чашку.

– Не откажусь, – ответил Ворсин. Необычный напиток так ему понравился, что он решил выяснить состав трав.

– Дело не только в травах, – угадав его мысли, заметил Василий. – В Северокрымске вода жесткая и совершенно не годится для чая, вы в этом скоро сами убедитесь. Мне пришлось нанять бурильщиков, пробить скважину во дворе, чтобы добраться до тридцатиметрового горизонта, где вода приемлемого качества. Кстати, в Туре вода тоже неважная, слишком много железа и солей. Когда я туда попал, удивлялся идиотизму ситуации – две громадных реки под боком, а воду можно пить только в кипяченом виде. Это с одной стороны. А с другой, весной в Туре грязь непролазная, все жители ходят в болотных сапогах с подвязками, перекинутыми через плечо. В противном случае можно запросто остаться без обуви.

– Послушайте, – воскликнул Ворсин, хлопнув себя по лбу. – Когда вы про тунгусов заговорили, я о метеорите вспомнил. Как-то прочитал рассказ Казанцева «Взрыв», в котором говорилось, что в Сибири погиб инопланетный космический корабль. Это случайно не в тех краях произошло?

– Так оно и есть, – улыбнулся Василий. – Место падения метеорита находится недалеко от села Ванавара, которое считается центром Тунгусско-Чунского района. Я бывал в тех краях, но если вы рассчитываете услышать что-то новое, то зря, никаких следов инопланетян не обнаружил. Скорее всего, это был метеорит, а рассказ Казанцева – обычная фантастика. Хотя существует и другое мнение, якобы, не метеорит, а сверхмощный удар молнии искус-

ственного происхождения, своего рода научный эксперимент. Та же шаровая молния обладает огромной разрушительной силой. Впечатляет теория, что гениальный физик проник в тайну грозы и научился аккумулировать электрические разряды в нужном месте и в определенное время. А когда понял, что таким способом любой город можно стереть в порошок, предпочел, чтобы его открытие кануло в лету. Что толку теряться в догадках? Когда-нибудь ученые разберутся с этим феноменом. Куда большее впечатление на меня произвело плато Путорана, расположенное севернее Туры. Я был ошеломлен, когда попал туда. Плато представляет собой гигантскую базальтовую плиту, абсолютно плоскую и испещренную глубокими каньонами. Там много изумительно чистых и красивых речек, водопадов и озер. Плато называют краем толсторогов, северных оленей и полярных волков. Кстати, тамошних толсторогов так и называют путоранскими, больше они нигде не встречаются.

– Про толсторога в первый раз слышу.

– Его еще называют снежным бараном или чубуком. Отличается от своих парнокопытных собратьев здоровенными рогами, которые у него больше метра. Толстороги живут в горной Азии и в Северной Америке. Но мне ужасно не повезло, толсторогов не видел, хотя пробыл на Путоране три дня. Это путешествие до сих пор вспоминаю, а прошло больше десяти лет.

– Назад вернуться не желаете?

– Воздух на Севере разреженный, кислорода гораздо меньше, чем в европейской части Союза. Туру по этим характеристикам можно приравнять к высокогорью. А у меня с легкими проблема. Левого нет, а правое тоже некомплектное, две доли вырезали. Я даже бегать не могу, сразу задыхаюсь.

Ворсин сочувственно промолчал. Он не стал спрашивать, что произошло, поскольку знал, что такое бывает только в тех случаях, когда человек заболевает раком.

– Нет, я захворал не тем, о чем вы сейчас подумали, но, честно говоря, хрен не слаще редьки. Называется болячка туберкулезом, но я не заразный. Так что пейте чай спокойно.

– Я не из робких.

– Да вы не обижайтесь, люди разные попадаются. Некоторые, узнав, чем я переболел, начинают стороной обходить, будто я прокаженный. Я их не осуждаю. Сам виноват. Когда у меня в Туре впервые туберкулез диагностировали, сразу же в больницу положили на семь месяцев. После этого мне, дураку, надо было хотя бы на пару лет домой умотать, чтобы, как врачи советовали, на свежих фруктах и овощах здоровье поправить, а я уперся рогом, остался на Севере. Не хотелось никуда уезжать еще и потому, что в больнице с медсестрой познакомился, влюбился в нее по самое некуда. Правда, налюбоваться на свою кралю не успел, меня в отдаленный леспромхоз вместо травмированного бульдозериста на полгода послали. Как ни упирался, пришлось ехать, иначе бы уволили без выходного пособия. В медвежьих углах с людьми не больно церемонятся – волк вместо медбрата, а скорую помощь заменяет медведь. Там меня снова скрутило, еле до конца командировки дотерпел. Когда сызнова в больницу угодил, туринские врачи в противотуберкулезный санаторий в Симеиз отправили. Сказали, что нужно специальное обследование пройти под наблюдением опытных специалистов. Я думал, что подлечат, да и отпустят на все четыре стороны, а вместо этого легкое под корень отчекрыжили. Через три месяца предложили в другой санаторий перебазироваться, более подходящий для меня. Так и попал в Северокрымск. Здешний воздух оказался лечебным, все каверны зарубцевались. Возвращаться в Туру врачи не советовали, да и смысла не было, нареченная письмо прислала, что замуж вышла за кореша моего. Так и прижился здесь. Сначала в общепитии валандался, а потом угол у одной бабульки снял. Родных у нее не было, все в войну перемерли, так что польза была обоюдная: я ей по хозяйству помогал, продукты покупал, а она еду готовила, меня обстирывала. Свободного времени навалом, вот и пристрастился к чтению. Много литературы прочитал про свою болячку, о том, как с нею в старину боролись, какие меры нужно принимать, чтобы забыть о ней раз и навсегда. Например, чем хорош воз-

дух в Симеизе? В самом поселке и вокруг него растет много хвойных деревьев, выделяющих фитонциды, которые убивают микобактерии туберкулеза. Вот и решил, что когда обзаведусь собственным жильем, обязательно посажу на участке сосны. Предложил хозяйке, она согласилась. Когда выяснилось, что в Северокрымске сосны не растут, выбор пал на ель Энгельмана, которую еще голубой называют. К нам ее завезли из Северной Америки. Хлопот с нею, конечно, много, не любит она поздние весенние заморозки, но зато красота во дворе круглый год. После смерти Валентины Матвеевны домик мне достался. Посовет, правда, попытался его экспроприировать, но не тут-то было: бабушка за год до смерти дарственную на меня оформила. Со временем вместо хаты сруб поставил.

– Мне говорили, что вы какие-то макеты дворцов построили.

– Они глаза многим мозолят. Пойдемте, сами увидите.

Ворсин в сопровождении Василия вышел из дома, повернув направо, направился по узкой тропинке, покрытой гранитной крошкой, вглубь участка, куда недавно удалился угрюмый Мальчик. Завернув за угол постройки, Ворсин остановился, пораженным очаровательным зрелищем: приусадебный участок разбит на большие клумбы, в центре каждой красовались настоящие дворцы, только в уменьшенном виде. Сергей узнал один из них. Знаменитое Ласточкино гнездо, которое изображали на всех открытках, посвященных Крыму. Ворсин приблизился к диковине, мысленно прикидывая, сколько времени пришлось потратить на ее создание. Хотя замок по высоте не превышал полутора метров, все архитектурные детали оригинала сохранились. Нагнувшись, Сергей осторожно потрогал угловую башню, проверяя, из какого материала она сделана.

– Это диорит. Можете не беспокоиться, не развалится. Ласточкино гнездо послужило началом моей коллекции, – пояснил Василий. – Когда начал собирать фотографии замка, чтобы нарисовать рабочие чертежи, то выяснилось, что его обычно снимают с моря, в этом случае получаются наиболее красивые и эффектные виды. Пришлось купить «Смену», самому заняться фотографией. Израсходовал больше десятка пленок, чтобы получить изображения Гнезда с разных точек. Моя настырность вызвала подозрение у милиции, которая, решила, что я собираюсь разнести на куски памятник истории. Насилу убедил, что я не диверсант. Самое интересное, что через год начальник Алушкинской милиции, находясь в командировке в Джанкое, вспомнил обо мне и заглянул в Северокрымск. К тому времени, кроме Ласточкина гнезда, я построил макеты двух вилл, расположенных в Симеизе. Вот этих, – кивнул в сторону причудливых зданий Василий. – Они называются «Мечта» и «Ксения», входят в комплекс зданий противотуберкулезного санатория «Красный маяк». Когда я в Симеизе лечился, часто заезжал в гости к знакомым, которые в нем отдыхали. Туда ежегодно из Средней Азии привозят молодых девушек. Вы что-нибудь слышали про дефолианты, которыми обрабатывают хлопок, чтобы он листву сбрасывал? Так его гораздо удобнее комбайнами собирать. После машин на поля загоняют девушек, которые подбирают то, что не смогла собрать техника. Беда, что дефолианты бьют по легким. Все девушки, попадающие в «Красный маяк», имеют начальную стадию туберкулеза. Их легкие на рентгеновских снимках выглядят так, будто изображение затянуто дымкой. Девушки лечатся в санатории сорок пять дней, уезжают домой совершенно здоровыми. Вот что значит целительный климат южного берега.

– Майору дворцы понравились?

– Он глазам своим не поверил. Долго ходил кругами, языком восхищенно цокал. Поинтересовался, зачем мне это нужно. Сейчас я к подобным вопросам отношусь спокойно, привык, знаете ли, к людской глупости. А тогда удивился, в свою очередь спросил, нравятся ли майору железобетонные многоэтажки, которые у нас возводят повсеместно. Он хмыкнул. Я ему привел в пример Симеиз, в котором, начиная с тысяча девятисотого года, все участки продавались с условием, что будущий хозяин построит виллу, не похожую на другие. В результате прошло семьдесят лет, те же «Ксения» и «Мечта», например, до сих пор глаз радуют, а урод-

ливые нынешние коробки, во-первых, вряд ли так долго простоят, а во-вторых, их рано или поздно снесут, чтобы освободить место для новой генеральной линии.

Майор смотрел на меня скептически, видимо, решил, что у меня сдвиг по фазе. Во всяком случае, мне не помешали построить четвертый дворец – Воронцовский, оригинал которого стоит в Алушке.

Василий указал рукой на темно-серое изящное здание, напоминающее средневековый замок.

– Граф Воронцов его строил двадцать три года, угробил кучу денег. Самое удивительное, что материалом для строительства послужил местный диабаз, который намного крепче гранита. Обработывали его вручную примитивными инструментами. Попробуйте нынешнему камнерезу предложить поработать с этим камнем, он с вас три шкуры сдерет за такой каприз. А вот этот дворец – Ливадийский – для меня пятый по счету, в мире он приобрел известность после Ялтинской конференции тысяча девятьсот сорок пятого года. Это была летняя резиденция Николая Второго, но царь пользовался дворцом всего пять лет, после чего пролетариат выслал его на Урал, где он вместе с домочадцами и сложил свою голову.

Василий неожиданно умолк, потом продолжил рассказ.

– Был у меня еще храм Василия Блаженного, который на Красной площади стоит, я на него два года угрохал, но органам он не понравился, пришлось снести.

– Чем же он им не угодил?

– Трудно сказать. Приехала «Волга», вышли два чиновника пасмурного вида, изъявили непреодолимое желание взглянуть на плоды моего творчества. Внимательно осмотрели дворцы, поковыряли ботинками Блаженного, переглянулись, сказали, что он лишний. Спрашивать, чем этот храм угрожает советской власти, было бесполезно. У нас ведь куча самых дурацких запретов. Если вы хоть раз летали на самолете, наверняка знаете, что фотографировать в воздухе категорически запрещено, вдруг какой-нибудь секретный объект через иллюминатор снимете и врагам продадите. И никто не задумывается, что, во-первых, все самолеты гражданской авиации летают по коридорам, которые специально проложены таким образом, чтобы важные объекты в стороне оставались, а во-вторых, снимки обычной оптикой с высоты десять тысяч метров интересны только идиотам, которые благодаря чрезвычайно развитому воображению могут разглядеть на них нечто занятное. Я в Москве побывал, ездил на экскурсию на Останкинскую телебашню. Так там тоже фотографировать категорически запрещено. Между тем современная техника позволяет фотографировать из космоса любые объекты, включая номерные знаки автомобилей. Получается, что мы, прежде всего, сами себе не доверяем. Вот я по глазам вашим вижу, слушаете меня, а в голове вопрос вертится: кто же могильник бомбанул, не я ли?

Ворсин, застигнутый врасплох, слегка покраснел, не сразу нашелся с ответом. Необычное увлечение Василия ему понравилось, хотя выглядело своеобразно. В другое время Сергей с удовольствием послушал бы собеседника, но сегодня, когда ему поручили расследовать первое в его жизни дело, тратить драгоценные часы на посторонние разговоры было как-то зорно.

– Врать вы еще не научились, это хорошо. В отличие от Пермяковой. Распрекрасно знает, кто вскрыл гробницу, но прикидывается валенком. Даю благой совет, не лезьте в это дело, за ним серьезные фигуры торчат.

– Хотя бы подскажите, с чего начать.

– Воля ваша, я вас предупредил. Есть такой верткий малый, Ленчиком зовут. Живет на улице Объездной. Он сравнительно молод, двадцать семь стукнуло, но на кражах поднаторел изрядно. Его уже трижды судили, но каждый раз условным наказанием отделялся. Неделию назад к нему приезжали какие-то ребята на машине с севастопольскими номерами. А Севастополь, чтобы вы знали, славится тем, что там живут самые профессиональные гробокопа-

тели, нумизматы и коллекционеры старины. Скорее всего, кто-то из них и заказал этот могильник. Поскольку Ленчик за последние дни никуда из Северокрымска не выбирался, вещицы из склепа где-нибудь дома хранит.

Поблагодарив Василия, Ворсин отправился к Осипову, который подсказал, как быстро оформить санкцию на обыск, выделил парочку дюжих милиционеров. После того, как они перевернули вверх дном жилище Ленчика, Сергей понял, что оконфузился. Не увенчался успехом и обыск сарая. Ленчик перекидывался с милиционерами шутками, судя по наглой самоуверенной улыбке, приезжего молодого опера в грош не ставил. Ленчик то и дело, как породистая лошадь, встряхивал голову, демонстрируя длинные волнистые волосы, выкрашенные в шоколадный цвет, шумно вздыхал и разводил руками. Но когда Ворсин приказал милиционерам проверить сад, слегка потускнел. Пока стражи правопорядка безуспешно пытались найти следы свежевскопанной земли, Ленчик со скучающим видом посматривал в их сторону, напрягся, когда они поравнялись с деревянной будкой туалета. Сергей неторопливо приблизился к нехитрому сооружению, ощущая затылком настороженный взгляд Ленчика. Обычный деревенский нужник с дверью, закрывающейся деревянной вертушкой, внутри выглядел заурядно. Ворсин хотел закрыть дверь, но его внимание привлек новехонький гвоздь, вбитый в двух сантиметрах от «очка». Преодолевая отвращение, Сергей присел на корточки, заглянул в яму. Леска! Один конец привязан к гвоздю, а другой скрывается в миазмах. Ворсин, перебирая руками, начал осторожно поднимать леску, над поверхностью показался большой полиэтиленовый пакет, с которого капала желтая жижа.

– Ведро воды принесите, – приказал он остолбеневшим милиционерам, вопросительно взглянул на Ленчика.

Тот криво улыбнулся, отвел взгляд. Развязывать свежeweмытый пакет Ворсин не стал, пригласил понятых. Потом попросил у одного из милиционеров нож, которым отрезал горловину. Внутри находились два стеклянных бокала, с десятков старинных золотых монет, несколько очаровательных ожерелий и серебряные серьги.

– Твои? – строго спросил Ворсин.

– Шутите, гражданин начальник, – живо отозвался Ленчик. – Мне такое барахло без надобности.

Ленчика доставили в «обезьянник», а дело передали следователю Нечипоренко, умеющему раскалывать самых упертых преступников. Поначалу Ленчик утверждал, что не знает, каким образом предметы старины попали в туалет, но после душевной беседы одумался, пояснил, что месяц назад в Симферополе на рынке познакомился с неким Владиком, который предложил разрыть пару гробниц, пообещал за каждую заплатить по сто рублей. Указал на карте, где находятся могильники, рассказал, что склепы залегают глубоко, чтобы найти вход, надо пользоваться длинным полутораметровым стальным щупом. После того, как Ленчик вскрыл два могильника, с ним честно рассчитались, поручили обследовать третий, но предупредили, что прокола быть не должно, там полным-полно рыжья. На вопрос, может ли он опознать Владика, Ленчик ответил, что заказчик должен завтра утром приехать к нему домой за товаром.

Ленчика решили использовать вместо живца, а чтобы ненароком не сбежал, приставили двоих переодетых в гражданскую одежду оперуполномоченных. Закончилась операция незадачливо: Ленчик ночью улизнул из дома, по пути заглянул к Вирнику. Трудно сказать, чем бы закончился этот неожиданный визит для Василия, если бы он накануне не уехал в Житомирскую область договариваться о покупке красивого поделочного камня для постройки очередного дворца. Сам Ленчик во время следствия утверждал, что на мокруху не пошел бы, хотя злобы в нем, судя по всему, в ту ночь было хоть отбавляй. Зарубив топором собаку Вирника, этим же орудием он пытался вдребезги разнести все мини-дворцы, но упорный камень не поддавался, архитектурный ансамбль пострадал лишь частично, сломались только наиболее уязвимые башенки, купола, а также карнизы, лепнина и прочие прикрасы.

Через неделю Ленчика поймали в Херсонской области, он прятался у своих родителей. Поскольку по закону требовалось, чтобы акт о причиненном ущербе подписал сам пострадавший, Ворсин, скрепя сердце, во второй раз отправился к Вирнику в гости. Сергею было стыдно за себя и за своих коллег, проворонивших Ленчика. Опера дружно утверждали, что не смыкали глаз, но догадаться, чем они всю ночь занимались, было несложно: от обоих за версту несло ядреным перегаром. Больше всего удивило Ворсина то, что ни один человек в райотделе не сочувствовал Вирнику. О том, что Ленчик разгромил модели дворцов, милиционеры рассказывали друг другу с плохо скрываемым злорадством, а некоторые ухмылялись, будто одобряли хулиганство.

На улицу Подпольщиков Сергей попал под вечер, когда солнце утомленно закатывалось за далекие горы, а в посвежевшем воздухе разносились звонкие детские голоса. Открыв знакомую калитку, Ворсин невольно замедлил шаг, но, вспомнив, что Мальчика нет на свете, зашагал по тропинке, ведущей в сад. Он решил еще раз взглянуть на разгромленные дворцы, чтобы хотя бы на пару минут оттянуть неизбежный и тягостный разговор с их создателем. Завернув за угол дома, Ворсин обомлел: все замки стояли на своих местах. Сергей глазам своим не поверил, он самолично побывал на месте происшествия и в протоколе подробно зафиксировал все бесчинства Ленчика! Присев возле Ласточкина гнезда, внимательно взгляделся в угловую башню, которая неделю назад валялась на земле. Облегченно вздохнул, заметив на ней тонкую едва различимую трещину.

– Диорит хоть и крепче гранита, но раскалывается легко, – услышал Ворсин знакомый голос за спиной.

Сергей оглянулся. Вирник держал в руках небольшой целлофановый пакет.

– Все дворцы я восстановил. Это все равно, что детскую мозаику собирать. Единственная хитрость – цемент. Два года назад на Черноморском флоте по знакомству разжился специальным цементом пятисотой марки. Страшная вещь, скажу я вам. Его обычно используют при подводных работах. Схватывается моментально, чем больше влаги в него попадает, тем крепче становится.

Встав на ноги, Ворсин смущенно произнес:

– Простите, что без предупреждения зашел. Я бы и раньше заглянул, да не знал, когда домой вернетесь. Ну, как, удачно съездили?

– Если дадите слово, что никому не расскажете, признаюсь, как на духу. В том карьере, куда я ездил, добывают гранит, из которого мавзолей Ленина на Красной площади возвели. Я там с одним мастером познакомился, Калинычем зовут. Мужик что надо, свой в доску. Пообещал часть неликвида, которую за ненадобностью на гранитную крошку перерабатывают, для меня оставлять. А я за это ему три литра самогона поставлю.

– От Житомира до Крыма путь неблизкий, – удивился Сергей. – Перевозка камня наверняка в копейку влетит.

– Самогонкой и рассчитаюсь, – благодушно улыбнулся Василий. – Я знал, куда обращаться. Этот карьер поставляет камень для строящихся объектов ЦК КПСС на южном берегу Крыма. Возят гранит не по железной дороге, а на большегрузных автомобилях, чтобы свести к минимуму перегрузочные операции и уберечь камень. Калиныч пообещал поднапрячь одного из водителей, чтобы тот заехал в Северокрымск. Крюк небольшой, не более шестидесяти километров.

– Если не секрет, что на этот раз собираетесь выстроить?

– Фильм «Д'Артаньян и три мушкетера» видели? Помните осаду фортеции Ля-Рошель? Недавно узнал, что эта сцена снималась в интересном месте, в Хотинской крепости, расположенной в Черновицкой области. Этот замок, неплохо сохранившийся до наших дней, с двенадцатого века являлся опорой Галицко-Волынского княжества. Им по очереди владели приднестровские князья, поляки, Турция и Россия. Я созвонился со своим знакомым, живущим

в Каменец-Подольском, он пообещал на своих «Жигулях» устроить экскурсию в Хотин. Если пожелаете, можете присоединиться. Поездка обещает быть увлекательной.

– Спасибо за приглашение, непременно им воспользуюсь, если, конечно, получится. Я ведь только приступил к работе, боюсь, что в отпуск не скоро соберусь, – ответил Сергей и торопливо добавил:

– Извините, что все так по-дурацки вышло.

– Это вы о Ленчике? Честно говоря, ничего другого от него не ожидал. Я его хорошо знаю. Кое-какие способности у Ленчика, безусловно, есть, но лень гораздо раньше его родилась. В школе учился отвратительно, одни двойки и тройки домой таскал. Знаю об этом не понаслышке, одно время в той же десятилетке электриком подрабатывал. Ленчик особым рвением и тогда не отличался, обожал с утра до ночи баклуши бить. Зато потребностей у парня воз и маленькая тележка. Года два назад состоялся у нас любопытный разговор. «Дядь Вась, – предложил он, – а давайте ваши творения продадим? Я клиентов нашел, неплохую цену, между прочим, предлагают. И зря вы на дурацкую древность запали. Сейчас офигенным спросом пользуются каменные памятники, да только делают их на один манер. Попадете в Симферополь, обязательно на местное кладбище загляните. Все надгробные плиты на одно „лицо“, никакого разнообразия. Предлагаю кооперацию. Я буду заказчиков искать, стройматериалы добывать, а вы надгробия клепать. Шестьдесят процентов мне, сорок – вам» – «Предложение занятное, – ответил я, – только условия сделки немного смущают» – «Это потому, что вы советскую систему плохо знаете, – заявил он. – Не переживайте, на мою долю больше двадцати процентов перепадать не будет, остальные деньги на взятки пойдут, чтобы никто палки в колеса не вставлял». Я, конечно, отказался от столь лестного предложения, а Ленчик с той поры меня невзлюбил.

Разговор с Вирником окончательно успокоил Ворсина, в общежитие он возвратился в отменном настроении. По пути Сергей заглянул в гастроном, купил две бутылки вина «Біле міцне», именуемое в народе «биомицином». Это забористое пойло хоть и гнали из гнилых яблок, зато было оно крепким и дешевым. Спиртное Ворсин купил, намереваясь поближе познакомиться с соседом по комнате, который только вчера вернулся из отпуска. Парень привез из дома кучу деликатесов, включая традиционное сало и соленые рыжики. Сержант Дмитрий Панчухин, простодушный упитанный увалень двадцати двух лет от роду, честно признался, что в милицию пошел только потому, что его достали родители.

– После дембеля батя устроил меня фрезеровщиком на завод, – рассказывал он. – Чтобы вовремя на работу попасть, вставал в полпятого утра, а потом через весь город в переполненном трамвае тащился. С работы возвращался часов в восемь вечера. Пожрал, телик посмотрел – и на боковую. Честное слово, о бабах даже забывать начал. Через две недели от такой пахоты завыл, как раненый изюбр. Позвонил в Северокрымск корешу, с которым в одной части служил. Обрисовал ситуацию. Он предложил в милицию податься. Объяснил, что в больших городах в патрульно-постовую службу лучше не попадать, ее собачьей называют, а в таких мелких, как Северокрымск, сильно пахать не придется. Теперь мы с ним в одном экипаже работаем. Его Геной зовут.

Вечером Дима с тремя товарищами по службе решил отметить благополучное прибытие в Северокрымск. Ворсину ребята обрадовались, но вино спрятали от греха подальше, объяснив, что с самогоном его лучше не смешивать: такое гремучее зелье получается, что наутро глаза из орбит вываливаются.

Разлив по граненым стаканам мутную самогонку, Дима предложил выпить за то, чтобы свежее испеченный оперуполномоченный недолго оставался в холостяках и нашел суженую. Ребята пояснили, что девушек легчайшего поведения в райцентре хватает, а с невестами напряг, поскольку все классные пацанки, окончив школу, перебираются в Симферополь или на ЮБК, а дома остаются только дурнушки. Когда Ворсин заметил, что, сидя в салоне пат-

рульного автомобиля, глупо надеяться на встречу с серьезной девушкой, парни пообещали в ближайшие выходные сводить его в местный клуб на танцы, чтобы лично удостоверился в их правоте.

– Хочу предупредить, – перешел на шепот Дима, наклонившись к Ворсину, – комендант нашего общежития – стукач, каких поискать. Я одну биксу на ночь привел, так утром командир взвода прямо на построении мне выволочку устроил, потребовал объяснительную написать. Однажды я спросил его: «Марк Игнатьевич, вы в молодости на танцы бегали?». Знаешь, что он ответил? «Я такими глупостями не занимался и тебе не советую». – «Где с девушкой можно познакомиться, как не на танцах? – поинтересовался я. – „В нашем Доме культуры работает много кружков, – ответил старый пень. – Коль женилка спать по ночам не дает, можно хоровым пением заняться или в театральную студию пойти. В таких местах девиц невпроворот, выбирай, какую хошь, толстую, тонкую, блондинку или брюнетку. Но только портить девок не смей! Коль понравились друг дружке, так сыграйте свадьбу, да и дело с концом. А то напридумывали, понимаешь ли, всякую гадость вроде битлов патлатых или рока дебильного, наслушаются дребедени, а потом в кустах паруются, как шавки подзаборные“. Вот такая провинция, одичавшая и несурзная. Но ты, Серега, не горюй, найдем мы тебе невесту».

Последнюю фразу Дима произнес громко, парни дружно расхохотались. После этого беседа оживилась, потекла ровно и весело. Ближе к полуночи выяснилось, что выпивка закончилась, а поскольку дежурный уже запер двери на замок, «биомицин» оказался как нельзя кстати. Вино еще пуще развеселило ребят, кто-то вспомнил, что этажом ниже недавно поселились две девушки. На робкое предположение Ворсина, что они, должно быть, уже легли спать, ребята отреагировали бурными протестами и заверениями, что девицы ловко стреляют глазками и наверняка будут не прочь познакомиться с такими бравыми парнями. Когда Ворсин категорически отказался участвовать в аванюре, его подняли на смех.

– Если мужчина хочет понравиться женщине, он не должен праздновать труса, – заметил Дима.

– Вы как хотите, а я спать ложусь, – пожал плечами Ворсин. – Напоследок, пока вы не успели дров наломать, расскажу одну поучительную историю, случившуюся со мной, когда учился на третьем курсе. На ноябрьские праздники поехал к своему другу Антону Запрудскому в Днепропетровск. Он обучался в институте инженеров железнодорожного транспорта, жил в старой пятиэтажной общаге, в которой все комнаты обставили одинаково: возле стен – армейские панцирные кровати, посередине стол, в правом углу железная рогатая вешалка, в левом – деревянный шифоньер. «Сокамерники» Антона по случаю праздников разъехались по домам, так что проблем со спальным местом не возникло. Мы отправились в горный институт, где училась пассия Антона. Ее звали Машей, она пообещала познакомить меня со своей подругой, которой нравились крупные мужчины. Но та загрипповала, так что остался я без потенциальной Дульсины.

– Антон с Машей потащили меня на дискотеку, – продолжил Ворсин, воодушевившись симпатией ребят. – Танцую я скверно, любое столпотворение вызывает дискомфорт. То ли у пацанов из вокально-инструментального ансамбля подходящих песен не было, то ли они терпеть не могли медленную музыку, но все время звучали исключительно быстрые композиции. Проплясав минут десять, занял освободившееся кресло. Тут объявили белый танец. С моей комплекцией надеяться не на что, так что я расслабился, в сторону столпившихся возле стен девушек даже не смотрел. Вдруг предо мной возникла симпатичная черноволосая худышка, улыбнулась, продемонстрировав изумительно белые зубы, протянула руку. От неожиданности я не сообразил, что меня натуральным образом приглашают на танец.

Обрадовавшись, что хоть кому-то нужен, поспешно вскочил, вывел девушку на середину зала, приобнял за талию, попытался закружить по часовой стрелке, но худышка не тронулась с места. Двигаться против часовой стрелки она тоже не пожелала, будто ее приклеили к полу.

Поначалу решил, что она таким оригинальным способом хочет наказать меня за медлительность, но, присмотревшись, понял, что ошибся, таких мыслей у нее и в помине не было. Она напоминала человека, который настолько занят собственными мыслями, что ему начхать, что думают о нем окружающие. Стоять на пионерском расстоянии, на виду у всего честного народа, как-то не с руки, поэтому я прижал девушку к себе, тем более что она прильнула ко мне с такой готовностью, будто только этого и ждала. Стою, значит, посредине зала, вдыхаю медвяный аромат, исходящий от ее волос, ловлю на себе любопытные взгляды окружающих. Тут Антон с Машей нарисовались, круги описывают, подмигивают, жестами восторг выражают, дескать, продолжайте ребята в том же духе. Минуты через две я снова попытался расшевелить девушку, но безрезультатно, ни вправо, ни влево кружиться она не желала. Вокруг нас даже запретный круг образовался, в который другие парочки предпочитали не вкатываться. Надеялся, что медляк скоро закончится, но ребята из ансамбля, должно быть, решили приколоться, устроили марафон. Центр зала постепенно опустел, в итоге все глазели только на нас. Когда музыка наконец стихла, шархнул от худышки, как от зловредной кавказской овчарки. Потом втроем гуляли в парке, Антон предложил продегустировать портвейн «777». Не знаю, из чего его сделали, но ударил по мозгам крепко. Антон пошел провожать Машу, а я отправился в общагу. Добрался до комнаты на автомате.

Разбудило меня радостное солнышко, заглянувшее в комнату сквозь узкое, но высокое окно. Поскольку на соседней кровати храпел Антон, я пришел к выводу, что ночью не сбился с курса. Еще больше утвердился в этой мысли, увидев свои брюки и пиджак, аккуратно угнездившиеся на спинке стула. Разбудив приятеля, предложил прогуляться и перекусить. Башка разламывалась. Когда подошел к вешалке, не обнаружил на ней новое кримпленовое демисезонное пальто. Самое обидное, что не проносил его и неделю. Родители потратили больше ста рублей, радовались обновке больше меня. На дворе стоял ноябрь. Холодрыга. Унылый дождик пополам со снегом. Выручил Антон. Одолжил шерстяной свитер, в котором я вернулся в Киев, удивив родителей. Сказал, что пальто сперли в общаге, они купили еще одно, правда, не такое модное, как прежнее. Недели через две позвонил Антон и жизнерадостно известил, что пропажа нашлась. Оказалось, что я перепутал этаж, вломился в комнату, где жили девочки. Так получилось, что угловая кровать, облюбованная мной для ночлега, оказалась свободной. Свет я не включал, разделся и завалился спать. Ближе к утру одна из девушек проснулась, обнаружила на соседней кровати незнакомца, страшно возмутилась. За амурные дела можно запросто вылететь из общежития. Она разбудила подруг, решив, что кто-то из них привел кавалера. Они долго перешептывались, разглядывая незваного гостя, удивлялись его наглости, мало того, что проник среди ночи в чужую комнату, так еще дрыхнет без задних ног. Дверь на ночь они обычно не запирали, воришек на этаже не водилось. Сначала девочки хотели милицию вызвать, но передумали, никакой угрозы я не представлял, не походил ни на вора, ни на бомжа. Когда они растолкали незваного гостя, тот, ни слова не говоря, быстро оделся и удалился, оставив их в полном недоумении. Девушки надеялись, что хозяин пальто вскоре объявится, но после того, как все разумные сроки истекли, повесили у входа в общежитие объявление, что найдено пальто, указали номер своей комнаты. Прочитав объявление, Антон навестил студенток, те потребовали, чтобы хозяин явился самолично. Когда узнали, что я давно в Киеве, сменили гнев на милость и за килограмм конфет «Кара-Кум» вернули Антону мое пальто.

– Тебе повезло, в итоге только выиграл, вместо одного пальтишка обзавелся двумя, – рассмеялся Дима. – Автопилот – замечательная вещь. Мой отец при жизни, бывало, так напибался, что стоять на ногах не мог, но за рулем даже в таком состоянии ему не было равных, затыкал за пояс любого аса-трезвенника.

– А что с ним случилось? – поинтересовался Ворсин.

– Умер, как заправский шофер.

– Погиб в ДТП?

– Почти. Когда батя разменял полтинник, бес саданул его в ребро. Удар сокрушительный. Батяня втюрился в женщину, моложе его лет на двадцать. Не знаю, где он ее подцепил, и что она в нем нашла, но встречались они регулярно. Летом, как известно, и стол, и дом под каждым кустом, а зимой мест для уединения кот наплакал. Что придумал отец. Вечером на своем «Москвиче» заезжал за подружкой и ехал в гараж. Он у нас кооперативный, кирпичный. Отец проделал в крыше отверстие, вставил туда асбестовую трубу, якобы для вентиляции. Причем она была хитро сделана, сначала шла вертикально, а у пола загибалась на девяносто градусов. Отец загонял машину в гараж, но двигатель не глушил, чтобы не выключать печку в салоне. Он разжился пожарным шлангом, один конец которого надевал на выхлопную трубу, а второй – на вентиляционную. В итоге в атмосферу вылетали ядовитые газы, а в салон от печки поступал теплый воздух. Комфортно устроился. Сделав свое дело, батя провожал девушку к остановке троллейбуса и, как ни в чем ни бывало, возвращался домой. Не знаю, сколько бы длились эти randevu. Мы спохватились поздно. Накануне отец собирался съездить к своей матери, живущей в пригороде. Поэтому решили, что батя остался ночевать у нее. Но когда на следующий день позвонили с его работы и спросили, куда он запропастился, забеспокоились. Отец и сам не любил опаздывать, и другим спуску не давал. Запасные ключи от гаража и машины нашли в секретере. До сих пор жалею, что взял с собой маму. Открыли ворота, а в салоне «Москвича» двое полуголых мертвецов. Мама грохнулась в обморок. Милиция и скорая приехали одновременно. Помню, молоденькая врачиха даже не соизволила проверить у покойников пульс. Только взглянула издали, презрительно усмехнулась, сказала, что любовники в ее услугах не нуждаются. Пару недель меня вызывали в милицию, задавали каверзные вопросы, часто ли мать с отцом ссорились, где была мама в ночь перед несчастным случаем, кто может подтвердить наше алиби. Следователь, вероятно, не верил, что мама не имеет никакого отношения к происшедшему, хотя судмедэкспертиза показала, что жертвы скончались от отравления угарным газом.

– А мой старший брат из-за курева умер, – печально признался Роман, худенький молодой парень с треугольным подбородком. – Он писал стихи, но их нигде не печатали. Однажды Даня отослал свои творения в известный московский журнал, откуда пришел уничижительный отзыв. Написал рецензию некий Горинштейн. Не помню точно содержание письма, но смысл сводился к тому, что Даня только зря и свое, и чужое время тратит, лучше бы шел на завод гайки крутить, а желающих заниматься словоблудием и без него хватает.

– Дружище, а причем здесь табак? – поинтересовался Дима.

– Даня с детства рос впечатлительным и обидчивым ребенком. Я, например, на оскорбления спокойно реагирую, в крайнем случае, могу обидчику в рожу заехать, а брат, когда его обзывали, замыкался и мог целыми днями молчать и дуться. По этой причине родители его никогда не наказывали, что бы он ни натворил. Хотя, честно признаться, проказничал в основном я, но сваливал все на брата, за что отец частенько лупцевал меня ремнем по заднему месту. И правильно, между прочим, делал. Это я уже потом понял, когда Дани не стало. Он мечтал увидеть свои стихи напечатанными, если не в книге, то хотя бы в журнале или в газете. А когда такой дикий отлуп получил, сломался. Трудился Даня сторожем на стройке, рабочий режим ему нравился: сутки отдежурил – трое дома. В свободное время поэзией занимался, книжки умные читал. Курить брат начал сразу после окончания школы, где-то вычитал, что все знаменитые поэты с табаком дружбу водили. А уж про вино и говорить нечего, Даня стихи Есенина про кабацкий дым мог часами вслух читать. Раньше брат на дежурстве и капли в рот не брал, а после московского послания правилу своему изменил. Вот и начали к нему на огонек алкаши захаживать, он им свои стихи читал, а они из чувства благодарности за самогонкой бегали. В ночь на девятое мая Даня хорошо отметил победу в войне с фашистами, проводил гостей и прилег на постель с сигаретой во рту. Матрас был набит ватой, которая хоть и горела плохо,

зато дымилась хорошо. К началу рабочего дня, когда строители на стройку явились, Даня превратился в черную головешку, а от кровати только железная сетка осталась.

Рома умолк. За столом установилась унылая тишина. Когда на улице неожиданно раздался автомобильный гудок, Дима встрепенулся, обведя вопрошающим взглядом ребят, с иронией произнес:

– Называется «начали за здоровье, а кончили за упокой».

– Ты же первый и начал, – откликнулся Рома.

– Слушайте, мужики, вы Аню Пермякову знаете? – как бы невзначай поинтересовался Ворсин. – Начальство на меня дело по ограблению могильников повесило, а она по нему в качестве свидетеля проходит.

– Смотря что тебя интересует, – лукаво улыбнулся Дима. – Она девушка с характером, интеллектуалку из себя строит, но если ты подозреваешь, что Аня бомбит могильники, то зря.

– Да нет, – смутился Сергей. – Она же первой забила тревогу. Я не о том.

– Не темни, дружище, – откликнулся Дима. – Если надумал клинья под нее подбить, ничего у тебя не выйдет. Она больше года встречается с каким-то хирургом из Симферополя, по выходным к нему катается. Какой-никакой шанс у тебя есть, ее подружки, с которыми она в одной комнате живет, рассказывали, что между ними вроде бы черная кошка пробежала. Аня рыдала всю ночь.

– Да мне без разницы, с кем она встречается, – с излишней горячностью выпалил Ворсин, раздосадованный тем, что ему не удалось скрыть личный интерес. – Я о деле пекусь.

– Служебное рвение – признак здорового честолюбия, – глубокомысленно изрек Дима.

– Да ну вас, – обиделся Сергей. – Давайте, мужики, на боковую. Завтра, то есть уже сегодня, рано вставать. Да и барышни, наверное, замаялись вас ждать, десятые сны видят.

К его удивлению, на этот раз ему никто не возразил.

Влад Цепеш и вампиры

Ворсин проснулся под утро, ему почудилось, что кто-то его зовет, негромко, но настойчиво. Недоуменно всматриваясь в белесый потолок, он долго и чутко прислушивался к предрассветным звукам за окном, но ничего подозрительного не разобрал. Солнце еще не встало, но, судя по изрядно посветлевшему небу, уже готовилось явить миру свое лучистое малиновое око. Тревожное предчувствие внезапно овладело Ворсиным, ему показалось, будто чья-то ледяная рука внезапно легла ему на лоб. Вздрогнув, он перевернулся на бок, тщетно пытаясь понять, чем вызвано такое странное состояние. Взглянув на наручные часы, лежащие на тумбочке, Сергей удивился. Всего лишь полпятого. Такая глубокая рань, а сна ни в одном глазу! Что бы это значило? Ворсин, как и все молодые люди, обожал утреннюю дрему. В годы учебы он не раз замечал, что по выходным дням утренний сон менее приятен, нежели в будни. А наивысшее наслаждение Сергей получал, когда оставался в постели, осознавая, что на первой лекции обязательно будет перекличка.

Сергея мало беспокоило то обстоятельство, что он уже давно на крючке у декана, который трижды обещал лишить злостного прогульщика стипендии и выгнать взащей из института. Декан, конечно, с удовольствием сдержал бы свое слово, поскольку Ворсин своим пагубным примером вводил в соблазн сокурсников, но кто будет защищать честь института на всеукраинских соревнованиях по пулевой стрельбе? Способность попадать точно в цель у Ворсина впервые проявилась еще в школе, в девятом классе, на занятиях по военной подготовке. Практические стрельбы состоялись в глубоком овраге на окраине столицы. Военрук Феликс Наумович раздал каждому ученику по три патрона, сказал, что сибирские охотники из мелкашки с пятидесяти метров умудряются попадать белке в глаз, но от девятиклассников такой точности не требуется, достаточно набрать пятнадцать баллов. На мишенях военрук экономил, пробитые дырки аккуратно обводил шариковой ручкой красного цвета. Расстрелянные мишени заменял только после того, как от них живого места не оставалось.

Ворсин, когда подошла его очередь, лег на брезент, живо прицелился, легко нажал на спусковой крючок. Выпустив еще две пули, он отправился за мишенью, чтобы военрук отметил места попаданий. Сняв бумагу с листа фанеры, подросток обратил внимание на то, что в ней имеется только одна дырка овальной формы. Феликс Наумович долго рассматривал мишень, скреб ее ногтем, а затем объявил, что в цель угодила только одна пуля, придется Ворсину повторить стрельбу. Вторая попытка девятиклассника еще больше озадачила военрука. В центре мишени наблюдалась всего лишь одна дырка, но ее геометрия вызывала сомнения, для одной пули отверстие было слишком велико. В полном недоумении Феликс Наумович долго чесал круглый толстый затылок, задумчиво жевал губами, даже пару раз заглянул в коричневый портфель, где хранились новые мишени. Решившись, приказал прикрепить сразу три новых мишени, выдал Ворсину три патрона, приказал подростку стрелять в каждую цель по одному разу. Ворсин невозмутимо выполнил задание. Когда военруку принесли мишени, он глазам своим не поверил: в центре каждой виднелась аккуратная дырка. «Как это у тебя так ловко получается?» – удивленно осведомился Феликс Наумович. Поставил напротив фамилии Ворсина красную жирную пятерку, присовокупив к ней громадный восклицательный знак. Ворсин и сам не знал, почему заранее предвидел, куда полетит пуля. Иногда он мазал, определяя это по звуку выстрела. Скорее всего, порох не соответствовал стандарту. По настоянию военрука Ворсина записали в секцию по стрельбе, во время выполнения тестовых упражнений новичок продемонстрировал наихудший результат. Позднее Ворсин догадался, ему специально подсунили не пристрелянную винтовку, чтобы отвязаться от слишком ушлого стрелка.

После успешной сдачи первой сессии в институте Сергей прочел объявление о наборе желающих в секцию спортивной стрельбы. Записался из-за ностальгии, дабы проверить,

не ослабла ли рука. Уже на первой тренировке всадил в десятку пять пуль. Тренер безапелляционно заявил, что не даст погибнуть дарованию, с той поры Ворсин неизменно лидировал во всевозможных соревнованиях. Если бы он был честолюбивым, скорее всего, стал бы ведущим спортсменом СССР. Стрельба Ворсина не вдохновляла. Для того чтобы расстреливать мишени, много ума не надо. Зато профессия юриста будет востребована во все времена, недаром же в России сума да тюрьма извечно рифмуются. Благодаря стрельбе Ворсин безбоязненно пропускал занятия, экстерном сдавал зачеты и экзамены. Скромный значок мастера спорта служил ему одновременно индульгенцией и оберегом.

Для старосты курса, который вел журнал посещений и вносил туда лишь половину его прогулов, Сергей придумал более весомое оправдание своей лени. Не секрет, что многие студенты маются с желудками. Болячки самые разные, начиная с гастрита и заканчивая прободной язвой. Ворсин считал, что массовые желудочные заболевания у студентов вызваны спешкой и нервозом.

– У меня плохая наследственность, – убеждал Сергей старосту группы. – Мама до самой смерти так и не смогла избавиться от хронического гастрита, а отец от пареза страдал. Лично я идти по их стопам не собираюсь. Главное не еда, а условия ее приема. Есть нужно с толком и расстановкой.

Староста Яша, крепкий деревенский парень, вступивший в компартию во время службы в армии, обладал желудком, способным переваривать гвозди. К отмазке относился скептически.

– Вставай на полтора часа раньше, лопай в свое удовольствие, – возмущался Яша. – Почему решаешь свои гастрономические проблемы за счет учебы?

Объяснять Яше, что утренний сон имеет множество градаций и наилучшим качеством обладает тот, который можно продлить за счет рабочего времени, было бесполезно. Родившийся в деревне человек с младенчества привыкает вставать не по звонку будильника, а вместе с первыми лучами солнца, он искренне не понимает, как можно валяться в постели, когда на улице давным-давно рассвело, в хлеву пронзительно визжит голодный поросенок, а в сарае беспокойно кудахчут куры.

Лежа на узкой кровати, Сергей вспоминал безмятежные студенческие годы. Распределение изобрели умные люди: если бы ему сейчас предоставили право выбора, он бы, не раздумывая, побросал нехитрый скарб в чемодан и навеки распрощался с этим унылым и пыльным крымским городом. Мысль о том, что ему придется прожить здесь целых три года, ввергала в хандру. Наверное, зря в институте сибаритствовал. Если бы учился на одни пятерки, получил бы красный диплом, остался бы на кафедре. Хоть и говорят, что лучше иметь красную морду и синий диплом, намного приятнее, когда оба цвета совпадают.

Воспоминания о студенческой жизни окончательно разогнали остатки сна, с полчаса проворочавшись в постели, Сергей понял, что заснуть не удастся. Прошлепав в длинных полосатых трусах к умывальникам, Ворсин долго и ожесточенно чистил зубы «Помарином», пытаясь избавиться от противного привкуса во рту, когда услышал за спиной звонкий женский голос: «Доброе утро». Обернувшись, Сергей едва не выронил зубную щетку: перед ним в коротком розовом домашнем халате стояла Анна Пермякова. Девушка, судя по всему, только что проснулась, еще не успела причесаться, но ее лицо было таким же свежим, как утро за окном.

– Что это вы здесь делаете? – смущенно осведомился Ворсин и покраснел, устыдившись своего крайне непрезентабельного вида.

– Я здесь живу, – улыбнулась Анна. – А вы?

– Зубы чищу, – выпалил Ворсин, продемонстрировал девушке зубную щетку, будто боевое копьё.

– Так это вы на пару с Димой нынешней ночью куролесили? Вот уж никак не ожидала.

– Да мы вроде бы не сильно шумели, – засмутился Сергей.

– Вы в этом уверены? – с иронией поинтересовалась девушка. Подойдя к умывальнику, положила на прикрепленную к стене полочку зубной порошок, щетку и мыло. – Не понимаю Диму. Вроде парень не глупый, а угомониться не может. Если его опять на бюро вызовут, строгачом не отделается, вылетит из комсомола, как птица из гнезда. Неужели он этого не понимает?

– Дима позавчера из дома вернулся, вот и решил это дело отметить. Что тут плохого?

– Худо то, что комендант этот факт непременно зафиксирует, как только явится на работу. Можете не сомневаться, полный список всех участников вашей тайной вечера уже составлен.

– Детский сад, – пожал плечами Ворсин.

– Если вы это своему начальству скажете, оно вас наверняка не поймет. Осипов мужчина строгий, но отходчивый. Вы, главное, не перечьте.

Анна как в воду глядела. Когда Сергей вошел в отделение, дежурный радостно известил, что его просил зайти Андрей Владимирович.

Кабинет заместителя начальника РОВД по оперативной работе находился на втором этаже. Начальства Сергей не боялся, впрочем, частенько ловил себя на мысли, что в присутствии высокого должностного лица чувствует себя неуютно. Причину робости Ворсин не понимал, поскольку ясно представлял, что любой начальник, какое бы сановное положение в обществе ни занимал, в конце концов, самый обычный человек со свойственными ему достоинствами и недостатками. В детстве любой столоначальник пачкал пеленки и ревел по ночам, требуя молока и материнской ласки, а в дошкольном возрасте шалил и дергал девочек за косички.

Сергей Антонович еще в институте заметил одну особенность: если у человека несомненный талант, то чем выше он поднимается по иерархической лестнице, тем скромнее и проще становится. А тот, кто пробивает дорогу локтями, окаянством и угодничеством, оказавшись наверху, превращается в самодура.

Например, кафедрой криминалистики в юридическом институте заведовал профессор Альберт Петрович, шестидесятилетний симпатичный старичок, лысый, забавно выговаривающий «л» вместо «р». Однажды на практических занятиях студентка пятого курса Марьяна Нечипай, пригожая своенравная девица, потратившая четыре года на поиски подходящего жениха, но так и не сумевшая подыскать достойную кандидатуру, попросилась в его группу, чтобы подготовить реферат. Альберт Петрович рассеянно взглянул на сексапильную студентку, снял очки, протирая их носовым платком, с сомнением произнес: «Прямо не знаю, брать или не брать?». Аудитория мгновенно ожила, загомонила, сидящий рядом с Марьяной староста группы Яша громко выпалил, четко выговаривая букву «р»: «Да брать, Альберт Петрович, брать», за что тут же схлопотал от обидевшейся девушки звонкую затрещину. К студентам профессор относился с глубочайшим уважением, а когда студент не оправдывал надежд, укоризненно говорил: «Милейший, если вы не любите юриспруденцию, давайте договоримся: я ставлю вам на экзаменах тройку, а вы до конца семестра избавляете нас от своего присутствия». Охотников прогуливать занятия не находилось. Альберт Петрович написал кучу учебников и монографий, которыми пользовались все юридические вузы страны, его приглашали на различные международные семинары, а подписанное им экспертное заключение носило силу закона. Несмотря на это, любой первокурсник мог запросто заглянуть в его кабинет за советом.

А вот доцент той же кафедры Борис Семенович, сорокалетний худосочный горбонос с кривыми лошадиными зубами, в противоположность профессору, со студентами разговаривал неохотно, бросал фразы сквозь зубы, презрительно морщась и публично страдая от вынужденного общения со столь убогой, по его убеждению, публикой. Борис Семенович написал всего лишь один научный труд в пятьдесят страниц, который издал в институтской типогра-

фии, и требовал от студентов скрупулезно изучать сие творение. Кто-то из студентов назвал брошюру правоведческой диареей, но это совершенно не смущало Бориса Семеновича, полагающего, что молодые люди в силу своего скудоумия не способны по достоинству оценить его талант. Борис Семенович был в меру хитер, льстив, подобострастен и на партийных собраниях обильно уснащал свои речи цитатами из работ Ленина и Брежнева. Это, вероятно, сыграло определяющую роль в его судьбе.

Когда Ворсин окончил четвертый курс, Борис Семенович переместился в кресло заместителя ректора по административной части, с его подачи воссоздали мужские и женские общежития, хотя раньше студентов селили по факультетам, невзирая на пол. Комендантам общежитий незамедлительно выдали журналы, в которые вносились все прегрешения студентов, а также велась своеобразная история морали жильцов: с кем встречаются, кто и когда к ним приходит в гости, поддерживают ли подозрительные контакты. Двери ровно в двадцать три часа закрывались, никакие уговоры опоздавших не смягчали сердца дежурных, опасавшихся потерять работу. Из наиболее активных комсомольцев создали «летучие бригады», которые после отбоя ходили по комнатам, проверяя наличие обитателей. Бутылка водки расценивалась как злостное игнорирование здорового образа жизни и каралась незамедлительным выселением из общежития. Семейным студентам, дабы не искушали холостяков, предложили снимать жилье в городе.

На этом Борис Семенович не успокоился, вскоре во всех пяти институтских общежитиях появились специальные ящики с ячейками для хранения студенческих билетов, как на заводских проходных. Жильцы сдавали их при входе и получали на руки, когда выходили на улицу. Таким образом, проректор мог точно определить, кто именно не ночует в комнате и потребовать их выселения. Войдя в административный раж, он запретил юношам приходить на занятия в джинсах, а девушкам в юбках выше колен. После того, как барышни завалили партийные органы жалобами и анонимками, условие смягчили – им разрешили демонстрировать колени, но не выше пяти сантиметров. После этого любимым тостом студентов стал следующий. «Одесса, море, солнце. На берегу белый домик. Абрам сидит во дворе, а Сара в доме стирает белье. Вдруг раздается выстрел из пушки. Сара высовывается в окно и спрашивает: «Корабль пришел, мясо привезли?» – «Да нет. Начальство приехало». Вдруг снова выстрел из пушки. Сара высовывается в окно и спрашивает: «Абрам, мясо привезли?» – «Да нет же, начальство приехало» – «А что, в первый раз не попали?». Далее автор здравицы предлагал выпить за то, чтобы в начальство попадали с первого раза. Застольная речь пользовалась неизменным успехом у студентов, особенно у женатиков. Видимо, она докатилась до руководящих вершин института, ректор своим приказом отменил обязательную сдачу студенческих билетов в общежитиях, сохранив это правило только для гостей.

Большинство новаций истового проректора прямого отношения к Ворсину не имели, он жил дома, но с утренними прогулками пришлось завязать. И все же в конце пятого курса он таки попал в черные списки. На государственном экзамене по научному коммунизму ему достался вопрос о превращении социализма в мировую систему. Отметив, что победа Великой Октябрьской социалистической революции в России, безусловно, явилась важнейшим историческим событием на пути воплощения теории научного коммунизма в жизнь, он заявил, что появление послевоенного социалистического содружества стран Восточной Европы было обусловлено не только внутренними причинами, такими, например, как активность пролетариата или компартий, а также победой Красной Армии над фашизмом.

– Мне кажется, что та же Германия, если бы ее гражданам предоставили право самостоятельно определять свою судьбу, вряд ли бы разделилась на ФРГ и ГДР. Социализм восторжествовал только там, где остановилась Красная Армия, а это означает, что дальнейшее развитие научного коммунизма возможно только в случае его силового экспорта, – отметил Сергей.

– Что вы хотите этим сказать? – удивленно воззрился на него входящий в комиссию Борис Семенович. – Неужели отрицаете ленинское положение о разнообразии форм перехода различных стран от капитализма к социализму?

– Я считаю, что капитализм свои позиции сдавать не собирается, – пожал плечами Ворсин. – На той же Кубе социализм восторжествовал лишь благодаря помощи СССР. Отсюда следует вывод: для того, чтобы социализм победил во всем мире, он должен быть с кулаками. Известно, что в африканских странах промышленность плохо развита, о какой диктатуре пролетариата там может идти речь?

Члены комиссии вопросительно переглянулись.

– Я полагаю, в данном случае победил не диалектический материализм, а пещерная диалектика, – натянуто улыбнулась доцент кафедры философии Светлана Евгеньевна, сорокалетняя женщина, усердно ухаживающая за своим лицом, на котором не было ни одной морщины. – Воинствующий социализм, молодой человек, достоин всяческого осуждения, ваше стремление к самостоятельному мышлению можно только приветствовать. Думаю, что твердую четверку поставить можно, – сухо произнесла она и вопросительно посмотрела на коллег.

– У него каша в голове, а вы его поощряете, – недовольно проворчал Борис Семенович, но развивать тему не стал.

– Больше чем на тройку студент не тянет, – подвел итог дискуссии проректор.

Спорить с ним никто не стал, в результате Ворсин оказался единственным на потоке, получившим тройку. При распределении это учли.

***

Подойдя к обшарпанной двери начальника, Ворсин сфокусировался на настоящем, отгоняя не слишком приятные преддипломные воспоминания. Андрей Владимирович жестом указал на стул, дежурно пошутил, что лучше присаживаться, чем садиться. Ворсин на шутку никак не отреагировал, обратив внимание на то, что начальник то ли крайне утомлен, то ли чем-то расстроен: лицо – бледное до синевы, а под карими глазами залегли темные круги.

– Не люблю ходить вокруг да около, – Андрей Владимирович недовольно поморщился, будто, надкусив яблоко, увидел половинку червяка. – С утра пораньше рапорт на тебя поступил. Надеюсь, догадываешься от кого?

Слово «рапорт» он произнес с ударением на втором слоге. Ворсин вяло пожал плечами, демонстрируя скудную осведомленность.

– В том, что ты этой ночью заливал за воротник, греха нет. У нас, если водкой не баловаться, можно запросто в дурдом угодить. Кстати, что пил?

– Самогон, – честно признался Ворсин.

– А запивал пивом, – констатировал Андрей Владимирович.

– «Биомицином».

– Эстет, – хмыкнул начальник. – Запомни лейтенант. Сотрудник министерства внутренних дел, как и любой гражданин СССР, имеет безусловное право пить все, что угодно, но принимать вовнутрь обязан только водку. А самогон, брагу и прочий сомнительный алкоголь употребляют воры, наркоманы, проститутки и пьяницы. Я внятно изъясняюсь?

– Вполне.

– Кроме того, сотрудник милиции, сколько бы водки ни принял на грудь, обязан соблюдать правила советского общежития, а если он это не делает, то грош ему цена. Надеюсь, это тоже понятно?

Ворсин кивнул.

– Вот и ладненько. Будем считать, что воспитательную беседу я провел, а ты пообещал впредь вести себя достойно, как подобает советскому офицеру. Будем считать, что первое офи-

циальное предупреждение ты заработал. Честно говоря, у меня уже три строгача по партийной линии, так что тебе есть к чему стремиться. Но это я так, к слову. Даю тебе два часа, чтобы привел себя в порядок, а то смотреть противно. Душ холодный прими, чайку крепкого попей. Ровно в одиннадцать тебе надлежит явиться в городскую прокуратуру для дачи показаний в качестве свидетеля по факту зверского убийства гражданина Вирника.

Сергей осторожно поинтересовался:

– Вы какого Вирника имеете в виду?

– Того самого, – досадливо отмахнулся Андрей Владимирович. – Пока ты самогон кушал и дрых без задних ног, было совершено особо тяжкое преступление. Настолько тяжкое, что заместитель райпрокурора лично прибыл, чтобы проконтролировать ход расследования. Утром он при мне прокурору области докладывал. Усек?

Прокашлявшись, Ворсин выдавил из себя:

– Известно, кто это сделал?

– Ишь, какой шустрый. У нас быстро только кошки плодятся, да и то не всегда и не везде. Убийство явно не простое, а с подтекстом. Двадцать шесть лет в органах протрубил, но такого изуверства не видел. Они ведь потерпевшего догола раздели, в саду, где мини-дворцы расположены, на кол посадили. Вскрытие еще не делали, но наверняка причина смерти – внутреннее кровоизлияние. Когда следаку из Симферополя показания давать будешь, не забудь, что первый обыск в хате Ленчика – это твоя инициатива. Лады?

– Я так и скажу, Андрей Владимирович, – быстро произнес Ворсин, – можете не беспокоиться.

– Значит, договорились, – хлопнул ладонью об стол Осипов. – Когда освободишься, загляни, расскажешь, что и как.

Выйдя на улицу, Сергей вначале направился в общежитие, но передумал и повернул к центру городка, где рядом с рынком находился пивбар «Азов», в котором, по словам Димы, в любое время из-под полы наливали сто граммов не разведенной сорокоградусной. Торчать два часа в общежитии, ожидая допроса, Ворсину не хотелось, к тому же его изрядно подташнивало, следовало подлечиться, дабы не предстать перед дознавателем в расхлестанном состоянии. По пути его захлестнуло отвращение к самому себе, долго не мог справиться с позывами рвоты.

Издалека разглядев табличку с надписью «Азов», Сергей ускорил шаги. Когда перешагнул через порог пивнушки, по реакции ее немногочисленных посетителей понял, что жители Северокрымска именно его считают виновным в случившейся трагедии. Двое пьянчуг, сидевших за столиком подле окна, забыв про полупустые кружки с пивом, уставились на него с явной враждебностью, а молодая рыжеволосая девица в засаленном переднике, стоявшая за стойкой, обожгла недобрым взглядом. Сообразив, что к вечеру весь городок будет чесать языки, Ворсин смутился, решил было ретироваться, но его остановил громкий оклик.

– Никак брезгуешь, служивый? – ехидно спросил низенький бородатый дед с длинными давно не мытыми волосами.

– Почему же? – незамедлительно оскорбился Сергей и решительно направился к столику. – Не хотел мешать честной компании. Не возражаете?

Он сел, потеснив собутыльника бородача, который отодвинулся, чтобы освободить место гостю.

– Во как! – поднял брови удивленный дедушка. – Благодарствую, молодой человек, уважил старика. По пивку ударишь?

– Я на службе, батя, – напомнил Ворсин.

– Дык, служба не волк, в лес не ухлестнет. Нюрка, – обратился бородач к девушке за стойкой. – Три пива за его счет.

– Шли бы вы лучше домой, Сильвестр Макарович, – проворчала рыжая, но спорить не стала, наполнив до краев бокалы, с громким стуком поставила их на стол.

– Мы до твоего прихода с Андреичем дискутировали, кто нашего чудика завалил, – провозгласил Сильвестр Макарович, опорожнив одним глотком недопитый бокал. Две бронзовые змейки живо соскользнули с его бороды. – Андреич глаголет, что это азиаты. Он на Даманском полуострове с китайцами воевал, так ему теперича везде узкоглазые мерещатся.

– Да ладно тебе, Макарыч, изгаляться, – обиделся Андреевич. – Ты историю вспомни. Кто раньше таким непотребством занимался? Турки да татаро-монголы всякие.

– Это ты кому говоришь? Это ты мне говоришь, историку с двумя высшими образованиями?

– Не заводись. Выкладывай свою версию.

– К твоему сведению, государь Иван, которого в народе прозвали Грозным, тоже усаживал врагов на колья. Эта традиция еще в древней Греции родилась. А что касаето твоих азиатов, то они своим жертвам либо головы отрезали, либо уши. Такой национальный обычай.

– А индейцы скальп снимали, – осклабился во весь рот Андреевич. – Ты еще про колесование вспомни.

– При чем здесь колесование? – обиделся Сильвестр Макарович. – Я вот что думаю. Нашего архитектора лишил жизни либо румын, либо человек, знакомый с жизнью Влада Цепеша, который в пятнадцатом веке правил Валахией – исторической областью на юге Румынии. Кто-нибудь из вас слышал о графе Дракуле?

Ворсин и Андреевич недоуменно переглянулись.

– Понятно, – усмехнулся Сильвестр Макарович, – вампирами, значит, не увлекаетесь. Эту занятную историю о вурдалаках и об их предводителе графе Дракуле я впервые услышал в сорок пятом. После освобождения Румынии наш изрядно потрепанный стрелковый батальон перевели на пополнение в часть, расположенную недалеко от города Сигишоара, в трехстах километрах северо-западнее Бухареста. Городу больше шестисот лет, почему бы не побродить по его кривым улочкам и мрачноватым дворикам, а заодно осмотреть стоящую на холме средневековую крепость? Ротный не хотел отпускать меня одного, боялся, что какой-нибудь сумасшедший валах подстрелит. Других охотников полюбоваться на древние камни не нашлось, на экскурсию я отправился в одиночестве, прихватив с собой вещмешок с двумя банками тушенки и буханкой хлеба, ППШ, трофейный «Вальтер» и две гранаты. Я ведь до начала войны в Киеве жил и мечтал стать археологом, поэтому и поступил на исторический факультет университета. Успел только первый курс закончить, когда война началась, за три года ни одного специалиста по истории и в глаза не видел, а тут под боком почти уцелевшая крепость тринадцатого века. Как я мог не взглянуть на нее хотя бы одним глазком? До крепости на американском «Виллисе» меня подбросил водитель ротного. Войну он фактически не застал, его в феврале сорок пятого подгрести, когда восемнадцать стукнуло. Я думал, что он хотя бы на полчаса составит мне компанию, да куда там, махнул рукой на прощанье и укатил в город. Больше всего меня поразила сорокапятиметровая башня с часами, стоящая у входа в крепость. Причем часы исправно шли, через каждые пятнадцать минут трезвонили. Пока любовался поросшими мхом и плющом стенами, да на часовую башню лазил, прошло часа полтора. Вышел из крепости. По улице медленно брела девушка. Поначалу решил, что это цыганка, их в Румынии как собак не резанных, но когда поравнялся с нею, разглядел выбивающиеся из-под косынки русые пряди и милое веснушчатое личико. Помню, еще мысль мелькнула: «Или немка, или кто-то из наших солдат давным-давно наследил». Дело в том, что до войны основную часть населения Сигишоары составляли немцы, которые после освобождения Румынии разбежались куда глаза глядят, а оставшиеся жители попрятались по домам, без крайней нужды на улицу не выходили. Миновав девушку, сделал пару шагов и вдруг застыл, как вкопанный. «Батюшки, – подумал я. – Так ведь это Настя Евдокимова, с которой я на одном курсе в университете учился. Как она в эда-

кой глуши оказалась?». Обернулся к девушке, тихо спросил: «Настя, это ты?». Она испуганно взглянула на меня, прошептала на чистейшем русском: «Простите, herr Offizier, я Берта. Берта Тиссен». Сделав книксен, виновато улыбнулась, засеменяла по дороге. Не знаю, что на меня нашло: то ли обидно стало, что немочка так на киевлянку похожа, то ли знакомство продлить захотелось. В общем, автомат с плеча сбросил, затвор передернул и громко приказал: «Стой!». Она, бедная, съежилась, как воробышек, руки вверх подняла. Приблизившись к ней, попросил опустить руки. Она повиновалась, а сама с места боится сдвинуться. Смотрю на нее и удивляюсь. Странное дело. От испуга обычно у любого человека лицо перекашивается, я за войну всякого нагляделся, а тут прямо волшебство какое-то, честное слово. Девушка, конечно, орбела изрядно, душа наверняка ниже пяток опустилась, но лицо похорошело, щечки порозовели, а в широко распахнутых глазах едва уловимая угроза промелькнула. Она меня будто о чем-то предостерегала.

– Никогда не замечал за тобой, Макарыч, садистские наклонности, – перебил рассказчика Андреевич. – С виду и не подумаешь.

– Все мы задним умом крепки, – проворчал Сильвестр Макарович. – Это я уже потом понял, что ППШ – не самый удачный инструмент для знакомства. А в тот момент думал лишь о том, как бы девушку попридержать хотя бы на пару минут. «Есть хочешь? – спросил ее. Она молчит и глазами хлопает. Сняв с плеча вещмешок, вынул банку тушенки и буханку хлеба. «Это все твое будет, – объяснил. – При условии, если составишь мне компанию, одному возвращаться в город не с руки». – «Хорошо», – ничуть не удивившись, ответила она, руки к продуктам протянула. «Э, нет. Так не пойдет, – ответил я. – Сначала прогулка, по пути какую-нибудь занятную историю о городе расскажешь». – «Интересно, все русские такие недоверчивые или через одного?» – поинтересовалась она. Я осведомился, где она так хорошо на русском говорить научилась. Оказалось, что ее мать русская, в семнадцатом эмигрировала в Чехословакию, а потом замуж за немца Тиссена вышла, вместе с ним в Дюссельдорф на родину Гейне переехала. Тиссен, убежденный коммунист, после прихода к власти нацистов в тысяча девятьсот тридцать пятом году увез семью к своим родителям в Сигишоару. Здесь их и настигла война. Тиссена румынская полиция арестовала, с той поры о нем нет никаких вестей. Берта живет вместе с мамой, ждет отца. Мать без конца плачет, а Берта уверена, что он живой и скоро обязательно даст о себе знать. Я заверил девушку, что Красная Армия скоро окончательно добьет фашистскую гадину, а ее отец обязательно вернется. Успокоившись, она спросила, что я знаю о господаре Владе Третьем, известном в истории под именем Влада Цепеша. Узнав, что я никогда не читал книгу ирландского писателя Брема Стокера «Дракула», удивилась и кратко пересказала ее содержание.

В романе речь идет о графе Дракуле, который живет в огромном старинном полуразрушенном замке в Трансильвании и убивает людей, прокусывая им шеи и выпивая их кровь. После смерти его жертвы тоже становятся вампирами. Дракула собиравшись населить вампирами весь мир, решил начать с Англии. Отплыл туда на корабле, каждую ночь убивал кого-нибудь из членов команды. В Лондоне Дракула наводил ужас на мирных жителей, но в итоге сбежал в Трансильванию. Там его убили ударом серебряного ножа в сердце. Берта пояснила, что прототипом графа Дракулы послужил Влад Цепеш, который родился в Сигишоаре. Она привела меня к невзрачному трехэтажному кирпичному дому, сказала, что именно здесь появился на свет Влад Третий по прозвищу Дракула, что по-русски означает «сын Драка». Драком, то есть драконом, именовался его отец, князь Влад Второй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.